A 282/421

А 282
А 22/

ВОСПОМИНАНІЯ

В. Е. КОЖЕВНИКОВА

ОБЪ АВТОРѢ

ОКРУЖНАГО ПОСЛАНІЯ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.
1886.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Москва, Декабря 1-го дня, 1885 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

2007059806

Воспоминанія В. Е. Кожевникова объ авторѣ Окружнаго Посланія.

Предисловіе отъ Редакціи «Братскаго Слова».

Вотъ и еще воспоминанія о Ксеносѣ въ дополненіе къ напечатаннымъ уже въ *Братскомъ Словѣ:* онѣ принадлежатъ одному изъ наиболѣе близкихъ друзей и сотрудниковъ Иларіона — В. Е. Кожевникову, жителю деревни Фролова (Калуж. губ.)[1]). Воспоминанія его, на полученіе которыхъ мы и прежде выражали надежду (см. т. I, стр. 163 прим.), печатаемъ теперь тѣмъ съ большею готовностію, что въ нихъ сообщается не мало новаго и интереснаго не только о самомъ авторѣ Окружнаго Посланія, но и о разныхъ событіяхъ, происходившихъ у раскольниковъ Австрійскаго согласія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Таковы особенно подробности о составленіи и изданіи Окружнаго Посланія, также о возведеніи Антонія въ санъ московскаго архіепископа. Что касается личности Иларіона, то, воздавая должное его талантамъ и знаніямъ, его добрымъ намѣреніямъ — исправить старообрядчество и довольно безпристрастнымъ воззрѣніямъ на православную церковь, его строгой, аскетической жизни, авторъ не скрываетъ и тѣхъ непохвальныхъ сторонъ его характера, которыя отчасти указаны уже въ «Воспоминаніяхъ» о. М. Дударева (*Брат. Сл.* т. I, стр. 19 и слѣд.),— его неискренности и скрытности въ сношеніяхъ съ людьми, даже близкими, доходившихъ до того, что онъ являлся иногда подъ чужими именами,— его, при-

[1]) Его интересный разсказъ о жизни въ расколѣ и обращеніи въ православіе былъ напечатанъ нами еще десять лѣтъ назадъ, въ *Брат. Сл.* 1875 г. (отд. III, стр. 9—51).

крытаго наружнымъ смиреніемъ, тонкаго духовнаго превозношенія самимъ собою, отъ чего проистекали въ немъ — крайняя увѣренность въ непогрѣшимости своихъ мнѣній и нетерпимость къ мнѣніямъ другихъ, особенно къ замѣчаніямъ и возраженіямъ, какія случалось ему слышать хотя бы отъ людей, желавшихъ ему всякаго блага. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ его отчужденіе отъ прежнихъ, самыхъ близкихъ друзей, какъ скоро они изъ раскола переходили въ православіе.

Чтобы сообщить разсказу В. Е. Кожевникова больше достовѣрности, мы давали его для просмотра досточтимому о. Онуфрію, съ просьбою — сдѣлать свой отзывъ о тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ говорится о немъ самомъ и о дѣлахъ, въ которыхъ принималъ онъ ближайшее участіе, т. е. о событіяхъ, наиболѣе ему извѣстныхъ. О. Онуфрій сообщилъ намъ нѣсколько замѣчаній, которыя мы нашли не излишнимъ напечатать подъ строкой.

Помѣщенныя въ *Братскомъ Словѣ* воспоминанія столькихъ лицъ объ авторѣ Окружнаго Посланія, въ общей ихъ совокупности, даютъ уже достаточно полное понятіе и объ исторіи, точнѣе — происхожденіи Окружнаго Посланія, и о личности, самого Ксеноса, безспорно замѣчательнѣйшаго изъ старообрядцевъ поповскаго согласія, живщихъ и дѣйствовавшихъ въ половинѣ настоящаго столѣтія. А такъ какъ, полагаемъ, большей части нашихъ читателей едвали извѣстенъ полный текстъ самаго Окружнаго Посланія, имѣвшаго и имѣющаго такое важное, можно сказать роковое значеніе для раскола, и такъ какъ вообще распространеніе его подлиннаго текста между православными и старообрядцами очень желательно, то мы намѣрены напечатать въ *Братскомъ Словѣ* и Окружное Посланіе и нѣкоторыя другія, имѣющія къ нему ближайшее отношеніе, сочиненія Ксеноса.

Воспоминанія о покойномъ Иларіонѣ Георгіевичѣ, составителѣ Окружнаго Посланія.

I.

Моя первая, неудачная, поѣздка въ Стародубье для знакомства и бесѣды съ Иларіономъ Егоричемъ. — Вторая поѣздка въ Стародубскія слободы и знакомство съ Иларіономъ. — Первыя бесѣды съ нимъ. — Пріѣздъ Иларіона во Фролово. — Мы отправляемся въ Москву. — Свиданіе съ Семеномъ Семеновымъ. — Бесѣда съ о. Павломъ Прусскимъ.

Еще лѣтъ за 10-ть до знакомства моего съ Иларіономъ Егоровичемъ, я слышалъ о немъ какъ о знаменитомъ начетчикѣ и ревностномъ противникѣ безпоповскихъ лжемудрованій[1]). Такъ какъ въ то время я самъ былъ усернымъ распространителемъ въ нашей мѣстности бѣглопоповщинской старообрядческой вѣры, къ которой тогда принадлежалъ, то и возымѣлъ сильное желаніе съ нимъ познакомиться; но удобнаго къ тому случая не находилъ. Между тѣмъ появилась въ нашей мѣстности новая Австрійская, или Бѣлокриницкая іерархія. Въ попы къ намъ былъ поставленъ Антоніемъ (Шутовымъ) одинъ изъ нашихъ крестьянъ, нѣкто Никита Кузминъ Горохъ, которому Антоній Шутовъ далъ наставленіе, во время литургіи царя не поминать и частицу изъ просфоры за него не вынимать; и еще: если случится древлеправославному христіанину (т. е. раскольнику изъ пріемлющихъ Австрійское священство) по принужденію или другимъ какимъ либо обстоятельствамъ окрестить своего младенца у еретиковъ-никоніанъ, какъ зовутъ они православныхъ, то таковыхъ дѣтей вновь перекрещивать, а на родителей ихъ

---

[1]) Родился Иларіонъ Егорычъ въ нашей Калужской губерніи, Мосальскаго уѣзда, въ деревнѣ Глотовѣ. Родители его носили фамилію «Кабановы»; но онъ себя Кабановымъ никогда не называлъ; до изданія Окружнаго Посланія звалъ себя «странникомъ»; а потомъ, когда немного познакомился съ греческимъ языкомъ, сталъ называть себя: «Ксеносъ».

накладывать эпитимію; и еще: всѣхъ приходящихъ отъ Великороссійской церкви въ древлеправославную вѣру принимать съ отреченіемъ «никоніанской богомерзской ереси», и древнихъ страдальцевъ: протопопа Аввакума и поповъ Никиту, Лазаря и др. почитать за святыхъ. Для исполненія и соблюденія въ неизмѣнности этихъ правилъ Антоній выдавалъ попамъ въ руководство особыя книжки. Я въ это время былъ главнымъ наставникомъ у старообрядцевъ нашей мѣстности, и меня изданныя Антоніемъ правила сильно смутили, — я спрашивалъ своего попа, Гороха, какъ онъ смотритъ на постановленія своего владыки, и согласенъ ли имъ подчиняться. Горохъ отвѣтилъ, что находитъ своего архіерея неправомудрствующимъ и всѣмъ постановленіямъ его подчиняться ни въ какомъ случаѣ не согласенъ. И этотъ рѣшительный отвѣтъ попа также смутилъ меня, — я подумалъ, какъ можетъ попъ не исполнять правилъ, предписанныхъ его архіереемъ? вѣдь за это онъ подлежитъ наказанію по правиламъ.

Для рѣшенія всѣхъ этихъ недоумѣній я послѣ многихъ размышленій рѣшился отправиться къ Иларіону Егорычу, какъ человѣку вполнѣ свѣдущему. Иларіонъ Егорычъ въ это время проживалъ въ Стародубскихъ слободахъ, Черниговской губ., отъ нашей мѣстности верстъ за четыреста. Не смотря на такое большое разстояніе, я собрался въ путь, пригласивъ сопутствовать мнѣ и попа Гороха. Въ Стародубскихъ слободахъ, именно въ посадѣ Лужкахъ, проживалъ въ это время мой хорошій знакомый Ѳаддей Іудичъ Фроловъ, урожденецъ Калужской же губ., Малоярославецкаго уѣзда, села Порѣчья: къ нему то и явился я прежде всего. Узнавъ, зачѣмъ я пріѣхалъ, Ѳаддей Іудичъ, откровенно сказалъ мнѣ, что хотя онъ принялъ Австрійскую іерархію со всею искренностью, но постановленія Антонія Шутова не считаетъ правильными и желалъ бы тоже узнать объ нихъ мнѣніе Иларіона Егорыча, поэтому и изъявилъ желаніе отправиться вмѣстѣ со мною къ Иларіону, который былъ ему близко знакомъ. Иларіонъ Его-

рычъ, проживалъ въ это время въ скиту Полоса, близъ посада Клинцовъ. Путь намъ лежалъ черезъ Клинцы, гдѣ намъ пришлось ночевать. Здѣсь мы узнали отъ хозяина постоялаго двора, что и самъ Иларіонъ находится въ Клинцахъ же, у одного изъ мѣстныхъ купцовъ. Ѳаддей Іудичъ немедленно отправился къ нему; объяснилъ цѣль нашего пріѣзда и предложилъ принять меня съ попомъ Горохомъ. Иларіонъ Егорычъ рѣшительно заявилъ, что бесѣдовать о чемъ либо съ попомъ, поставленнымъ отъ Антонія Шутова, онъ не согласенъ. Ѳаддей Іудичъ просилъ покрайней мѣрѣ повидаться со мною, рекомендуя меня, какъ хорошо ему извѣстнаго человѣка. Но Иларіонъ и со мною видѣться отказался, не принявъ во вниманіе и того, что ради свиданія съ нимъ я проѣхалъ 400 верстъ. На слѣдующее утро Ѳаддей Іудичъ опять пошелъ къ Иларіону Егорычу: я вручилъ ему книжки, данныя Антоніемъ Шутовымъ въ руководство нашему попу, которыя нарочно привезъ, и просилъ, чтобы узналъ объ нихъ мнѣніе Иларіона; просилъ также уговорить его повидаться съ нами, хотя на самое короткое время. Просьба о свиданіи была и на этотъ разъ отвергнута, а относительно книжекъ Иларіонъ сказалъ, что онѣ не законны, составлены безъ всякаго основанія, и исполнять предписанное въ нихъ не слѣдуетъ. При этомъ онъ высказалъ большое недовѣріе къ Антонію, и замѣтилъ, что слѣдовало бы о немъ побольше и получше разузнать. Объ насъ же сказалъ, что намъ слѣдуетъ быть осторожными и не оставаться долго въ Клинцахъ, такъ какъ полиція зорко слѣдитъ за всѣми пріѣзжающими. Такъ и возвратились мы въ Лужки, не видѣвъ Иларіона. Дорогою я разспрашивалъ Ѳаддея Іудича, по какой причинѣ Иларіонъ Егорычъ не хотѣлъ принять насъ, но истинной причины и онъ указать не могъ. Еще я спрашивалъ, къ какой вѣрѣ принадлежитъ Иларіонъ; Ѳаддей Іудичъ отвѣчалъ, что Иларіонъ не считаетъ правильнымъ принятіе священниковъ отъ православной церкви въ старообрядчество посредствомъ

муропомазанія, чѣмъ и отличается отъ Лужковцевъ и прочихъ поповцевъ, а слѣдуетъ ученію Дьяконовцевъ, которые принимаютъ священниковъ отъ Деликороссійской церкви третьимъ чиномъ. Пробывши въ Лужкахъ нѣсколько времени, я отправился обратно на родину.

Послѣ этой неудачной поѣздки въ Стародубскія слободы, ради знакомства и свиданія съ Иларіономъ Егорычемъ, цѣлыхъ четыре года я находился въ большомъ недоумѣніи и смущеніи относительно явившейся у насъ Австрійской іерархіи. Въ это время нерѣдко бывалъ у меня Новозыбковскій епископъ Кононъ: своими нелѣпыми дѣйствіями и разсужденіями онъ только больше разстраивалъ меня и усиливалъ мои недоумѣнія и сомнѣнія. Желаніе увидѣться съ Иларіономъ Егорычемъ для разрѣшенія всѣхъ недоумѣній поэтому не оставляло меня, такъ какъ мнѣ думалось, что только онъ можетъ разрѣшить эти сомнѣнія.

Въ 1860 году я рѣшилъ съѣздить еще разъ въ Стародубскія слободы, имѣя уже отъ Ѳаддея Іудича извѣстіе, что Иларіонъ Егоровичъ согласенъ принять меня.

Въ Лужки я пріѣхалъ опять къ Ѳаддею Іудичу. Онъ, послѣ первыхъ же привѣтствій, сказалъ мнѣ, что Иларіонъ Егорычъ теперь охотно приметъ меня, потому что послѣ моего перваго пріѣзда Ѳаддей Іудичъ, часто видаясь съ нимъ, напоминалъ обо мнѣ, — говорилъ, какъ мы огорчены были, когда онъ заставилъ насъ въ первый разъ, проѣхавши 400 верстъ, ни съ чѣмъ воротиться назадъ, и теперь Иларіонъ готовъ былъ принять меня и разрѣшить мои вопросы. На слѣдующій же день мы отправились въ скитъ Полосу, гдѣ жилъ тогда Иларіонъ. Скитъ расположенъ среди большаго лѣса и обнесенъ деревянной оградой; внутри, вокругъ часовни, расположено нѣсколько келлій. Это было 21-го октября въ день имянинъ Иларіона Егорыча. Въ часовнѣ шла служба, и онъ самъ во время молебна читалъ канонъ пр. Иларіону. Послѣ службы, отправились мы вмѣстѣ съ братіею въ трапезную. Всѣхъ

живущихъ въ скиту было тогда человѣкъ 25: изъ нихъ одинъ только инокъ, а остальные простецы. Послѣ трапезы Иларіонъ Егорычъ пригласилъ меня съ Ѳаддеемъ Іудичемъ на кладбище, и показывалъ тамъ памятники разныхъ похороненныхъ здѣсь старцевъ. Между прочимъ, указывая на одинъ памятникъ, гдѣ въ подписи было обозначено имя инока Ипатія, Иларіонъ сказалъ мнѣ: «вотъ здѣсь, Василій Егорычъ, похороненъ твой землякъ; ты вѣдь знаешь Лобовскіе постоялые дворы (отъ Калуги верстахъ въ 20-ти): эти дворы принадлежали похороненному здѣсь иноку Ипатію, который въ мірѣ назывался Иваномъ Лобовымъ. Онъ первый и началъ распространять въ вашей мѣстности старообрядчество лѣтъ 60-тъ тому назадъ». Съ кладбища Иларіонъ Егорычъ повелъ насъ къ свою келью. Здѣсь онъ показывалъ намъ свою библіотеку, въ которой находилось много цѣнныхъ древлеписанныхъ и древлепечатныхъ книгъ. Замѣтно было, что онъ нѣсколько стѣснялся моимъ присутствіемъ, относился ко мнѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Тогда Ѳаддей Іудичъ сказалъ ему: не стѣсняйся Иларіонъ Егорычъ; вѣдь Василій Егорычъ съ нами единомышленникъ; съ нимъ можно быть откровеннымъ.

— Если такъ, — отвѣтилъ Иларіонъ, обращаясь ко мнѣ, — то будь же нашимъ общимъ другомъ. Тутъ началъ онъ распрашивать меня, какъ я смотрю на архіепископа Антонія, на безпоповщинскую вѣру, и пр. Относительно Антонія я отвѣтилъ, что мнѣній его не раздѣляю и книжки, выданныя имъ для руководства попамъ, считаю незаконными; а безпоповцевъ я назвалъ прямо еретиками, о которыхъ нечего и разсуждать. Иларіонъ Егорычъ замѣтилъ, что про Антонія ему прислано много изъ разныхъ мѣстъ писемъ, въ которыхъ тоже выражаются сомнѣнія относительно его дѣйствій: надо, прибавилъ онъ, что нибудь предпринимать противъ такихъ кривотолковъ! Потомъ, взявши нѣкоторые старинныя Служебники и Потребники, онъ сталъ читать въ нихъ разныя мѣста, несогласныя

между собою въ уставахъ о просфорахъ, также въ разныхъ молитвахъ. Очевидно, это онъ дѣлалъ для того, чтобы испытать меня, насколько я приверженъ къ старопечатнымъ книгамъ. Потомъ онъ сталъ говорить: Въ настоящее время повсюду принимаютъ въ старообрядчество приходящихъ отъ Великороссійской церкви черезъ муропомазаніе; а если бы принимать не вторымъ, а третьимъ чиномъ, то какого-бы мнѣнія былъ ты Василій Егорычъ относительно этого? Былъ бы согласенъ на это, или нѣтъ? При этомъ онъ обратилъ свой взоръ на иконы, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели нашей бесѣды и давая мнѣ понять, что я долженъ говорить чистосердечно и откровенно. Я не зналъ что отвѣтить, и самъ спросилъ его: а ты съ Ѳаддеемъ Іудичемъ какъ думаешь объ этомъ? Но Иларіонъ Егорычъ настаивалъ, чтобы я далъ отвѣтъ. Тогда я сказалъ, что съ этимъ вопросомъ мало знакомъ и рѣшать его не смѣю; но если наши пастыри будутъ принимать отъ Великороссійской церкви безъ муропомазанія, то я буду съ этимъ согласенъ. Иларіонъ Егорычъ остался доволенъ моимъ отвѣтомъ, и замѣтилъ, что я хорошо и здраво мыслю. Затѣмъ продолжалъ: я очень жалѣю, что не поѣхалъ въ Бѣлую Криницу на соборъ, когда принимали митрополита Амвросія, — меня въ то время приглашалъ отецъ Павелъ; можетъ быть уговорилъ бы соборъ принять Амвросія безъ муропомазанія. А то вотъ теперь и думай, что дѣлать. Пастыри-то наши только золотыя шапки надѣли на себя, а дѣло свое плохо понимаютъ; они приходящихъ отъ Великороссійской церкви не только муромъ мазать, но даже и перекрещивать согласны. Что нибудь надо предпринимать противъ таковыхъ пастырей!» Потомъ, обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ: Если я поѣду въ Москву и буду доказывать нашимъ владыкамъ незаконность и нелѣпость ихъ постановленій и дѣйствій, будешь ли ты согласенъ дѣйствовать за одно со мною? Я отвѣтилъ полнѣйшимъ согласіемъ. Ѳаддей Іудичъ съ своей

стороны сказалъ и за себя и за меня: Мы-то согласны; затѣмъ и пріѣхали къ тебѣ: дѣло остается только за тобою. Дѣйствуй; а мы во всемъ будемъ тебѣ помогать. Иларіонъ Егорычъ замѣтилъ, что уже давно занятъ этимъ дѣломъ, собираетъ матеріалъ для него и многое уже написано; только нужно, прибавилъ онъ, еще кое что собрать и дополнить выписки. Въ слѣдующемъ году,— продолжалъ онъ,— если все будетъ благополучно, мы отправимся въ Москву ко владыкамъ. Затѣмъ онъ прочиталъ намъ собранныя имъ въ особую книгу, листовъ въ 300, выписки и замѣтки въ опроверженіе какъ безпоповщинскихъ, такъ и поповщинскихъ мудрованій и хуленій на православную Грекороссійскую церковь. Наконецъ, для большаго воодушевленія насъ къ предстоящему дѣлу, онъ обратился къ намъ съ такой рѣчью: Мы будемъ стоять за Христа, поборать противу врага; ибо это враги Христовы почитаютъ сладчайшее имя нашего Спасителя *Іисусъ* за имя антихриста и четырехконечный крестъ Христовъ — за печать антихристову. Оле ужаса! оле бѣды! Вотъ до какой безсмыслицы дошли наши христіане черезъ свое невѣжество! А пастыри не только не исправляютъ своихъ пасомыхъ, но еще сильнѣе укореняютъ въ нихъ заблужденіе и ведутъ ихъ по пути погибели! Не точію поборать намъ за истину надлежитъ, но и умрѣть за сладчайшее имя Спасителя и за честный Его крестъ! Окончивъ свою рѣчь, Иларіонъ Егоровичъ спросилъ насъ: если вы согласны помогать мнѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ, то можете ли подтвердить свое согласіе на бумагѣ? Мы изъявили полную готовность. Тогда Иларіонъ взялъ листъ бумаги и написалъ на немъ, что мы, такіе-то, даемъ обѣщаніе ѣхать съ нимъ въ Москву, помогать ему во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ ложныхъ мудрованій безпоповцевъ, которыми заражены и наши пастыри. Мы немедленно подписали его записку. Этотъ разъ я пробылъ въ Полосѣ у Иларіона Егоровича цѣлыхъ три дня, и во все это время у насъ были уже самыя от-

кровенныя бесѣды, какъ между близкими друзьями. Когда мы съ Ѳаддеемъ Іудичемъ собрались въ обратный путь, онъ проводилъ насъ за ворота и сказалъ: будьте готовы къ поѣздкѣ въ Москву; но ранѣе будущаго года мнѣ выѣхать не придется: дѣла меня задержатъ. Потомъ прибавилъ: а грекороссійскую церковь, скажу вамъ, не въ чемъ задирать, какъ развѣ только въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія; во всемъ же остальномъ она права. Эти послѣднія слова его насъ сильно поразили.

Такъ началось мое знакомство съ Иларіономъ Егорычемъ Ксеносомъ.

Въ 1862 году, 30 января, на праздникъ трехъ святителей (это нашъ престольный праздникъ) Иларіонъ Егорычъ вмѣстѣ съ Ѳаддеемъ Іудичемъ пріѣхали ко мнѣ, во Фролово, а наслѣдующій день мы всѣ отправились во Дворецъ,— селеніе находящееся отъ насъ въ 8-ми верстахъ. Жители Дворца, какъ только узнали о нашемъ пріѣздѣ, собрались въ домъ В. Фаначева, гдѣ мы остановились. Иларіонъ Егорычъ, послѣ первыхъ привѣтствій къ собравшимся, сталъ распрашивать, не имѣютъ ли они какихъ либо несогласій и недоразумѣній относительно Австрійской іерархіи; и потомъ продолжалъ: я получилъ много писемъ отъ разныхъ лицъ, въ которыхъ выражаются сомнѣнія о дѣйствіяхъ нашего архіепископа Антонія; имѣется у меня также много выписокъ изъ разныхъ книгъ въ обличеніе неправильныхъ дѣйствій нашихъ пастырей: съ тою цѣлью я и ѣду въ Москву, чтобы устранить ихъ неправыя мнѣнія и дѣйствія. Тутъ нѣкоторые изъ собравшихся стали говорить про М. С. Дударева, что онъ одобряетъ Великороссійскую церковь и другихъ къ этому склоняетъ. Иларіонъ Егорычъ сталъ разспрашивать Дударева, въ чемъ состоятъ его сомнѣнія относительно Австрійской іерархіи, и имѣлъ съ нимъ разговоръ, который замѣтно произвелъ на него непріятное впечатлѣніе [1]).

[1]) Пребываніе Иларіона Егорыча во Дворцѣ, бесѣда его съ М. С.

Въ Москву мы отправились втроемъ, т. е. Иларіонъ Егорычъ, Ѳаддей Іудичъ и я. Остановились на Орловскомъ подворьѣ. Я, по желанію Иларіона Егорыча, отправился узнать, кто изъ епископовъ въ то время находился въ Москвѣ. Прежде всего пошелъ я къ Х. И. Шелапутиной, жившей на Вшивой горкѣ: проживавшая у нея извѣстная всѣмъ старообрядцамъ Марья Николаевна сообщила мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія. По ея совѣту я отправился сначала на Рогожскую, въ Тупой переулокъ, къ попу Петру Ѳедорову, у котораго находился и попъ Ѳедоръ, членъ Духовнаго Совѣта: я сообщилъ имъ о пріѣздѣ Иларіона Егорыча. Они показали видъ, что очень рады пріѣзду такого человѣка, какъ Иларіонъ, о которомъ давно слышали, какъ о знаменитомъ начетчикѣ, и что они, по слухамъ, ожидали его пріѣзда въ Москву. Отъ нихъ я отправился къ извѣстному въ то время начетчику московскому Семену Семенову и къ Ивану Захарову, занимавшемуся у Антонія перепискою книжекъ славянскимъ шрифтомъ и вообще письмоводствомъ: ихъ также извѣстилъ о пріѣздѣ Иларіона Егорыча. Наконецъ пошелъ къ старообрядческимъ епископамъ бывшимъ тогда въ Москвѣ, — сначала къ Онуфрію, намѣстнику Бѣлокриницкой митрополіи, управлявшему Московской епархіей и бывшему предсѣдателемъ Духовнаго Совѣта, потомъ къ Варлааму Балтскому, къ Пафнутію Казанскому: имъ всѣмъ я прямо говорилъ, что Иларіонъ пріѣхалъ исправить погрѣшности, вкравшіяся отъ зловредныхъ безпоповцевъ въ нашу древлеправославную вѣру и устранить несогласіе между нашими братьми — старообрядцами, происшедшее отъ этихъ погрѣшностей. Епископы замѣтили, что сдѣлать это будетъ очень трудно, такъ какъ лжеученія сильно укоренились въ народѣ. Антонія Шутова въ это время въ Москвѣ не было. Возвратившись къ Иларіону Егорычу я разсказалъ

Дударевымъ и потомъ поѣздка къ Калугу подробно описаны самимъ о. Дударевымъ: См. *Брат. Сл.* 1885 г. т. I, стр. 28—51, 73—81.

ему все, что слышалъ отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ былъ. Онъ замѣтилъ: да, Василій Егорычъ, много труда намъ предстоитъ! И въ волненіи началъ ходить по комнатѣ. Его сильно разстроило мое сообщеніе, что епископы не выказали особеннаго желанія и сочувствія къ его намѣреніямъ. Мы съ Ѳаддеемъ Іудичемъ старались повозможности успокоить его; онъ же отвѣтилъ намъ на это: Вы не можете судить, какіе предстоятъ мнѣ подвиги; а я вижу это, и знаю, какъ тяжело мнѣ придется. Однако, — прибавилъ онъ, — надо приниматься за дѣло. И развернувши чемоданъ, сталъ вынимать оттуда книги, разныя бумаги и безпоповскія тетради, о которыхъ тутъ же замѣтилъ, что они должны подлежать истребленію. Между прочимъ взялъ онъ въ руки Соловецкую Челобитную и спросилъ у насъ, какого мы мнѣнія объ этой книгѣ. Мы ничего не отвѣтили; а онъ продолжалъ: Эта книга не только безпопопцами, но и нашими единовѣрными пріемлется, почитается, какъ святая; но ее-то прежде всѣхъ и надлежало бы предать сожженію, ибо она главнымъ образомъ служитъ поводомъ къ раздору и несогласію между нами и Великороссійской церковью.

На другой день пришелъ къ намъ Семенъ Семенычъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ, Иларіонъ Егорычъ показалъ ему книжки и тетради, которыя, по его мнѣнію, подлежатъ уничтоженію, и въ томъ числѣ Соловецкую Челобитную. Относительно тетрадей Семенъ Семеновъ сказалъ, что онѣ дѣйствительно достойны уничтоженія; а про Челобитную замѣтилъ, что объ ней не слѣдуетъ поднимать вопроса, дабы не произвесть неудовольствія и большихъ несогласій въ народѣ, такъ какъ на Челобитную привыкли смотрѣть, какъ на книгу достойную всякаго почитанія. Послѣ этого Семенъ Семеновъ сообщилъ, что въ первое воскресенье великаго поста (мы пріѣхали въ Москву на сырной недѣлѣ) у него назначены бесѣды съ о. Павломъ Прусскимъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшимъ въ Москву. На во-

просъ Иларіона Егорыча: о чемъ будетъ бесѣда? — Семенъ Семеновъ отвѣтилъ, что вѣроятно будутъ бесѣдовать о вѣчности Христовой церкви. Иларіонъ Егорычъ освѣдомился, какой отвѣтъ намѣренъ дать Семенъ Семеновъ и чѣмъ оправдаетъ неимѣніе у старообрядцевъ почти цѣлыхъ 200 лѣтъ благодати хиротоніи. Семенъ Семеновъ сказалъ, что оправданіемъ этому послужитъ примѣръ Ветхозавѣтной церкви: какъ іудеи, когда были отведены въ плѣнъ, сокрыли жертвенный огонь въ безводный кладезь и огонь этотъ, находившійся цѣлыхъ 72 года въ кладезѣ, потомъ, по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, паки возгорѣлся, такъ и у насъ, старообрядцевъ, 180 лѣтъ скрывалась благодатная хиротонія и снова открылась съ принятіемъ митрополита Амвросія. Иларіонъ Егорычъ спросилъ еще, приготовлены ли какія-нибудь письменныя замѣтки и выписки для бесѣды. Семенъ Семеновъ показалъ ему выписки о ветхозавѣтномъ огнѣ съ подробными разъясненіями и доказательствами. Иларіонъ Егорычъ, прочитавъ ихъ, замѣтилъ, что отвѣты будутъ слабы противъ такого собесѣдника, какъ Павелъ Прусскій. Семенъ Семеновъ отвѣтилъ, что другихъ болѣе сильныхъ доказательствъ не имѣетъ.

Въ назначенный для бесѣды день, т. е. въ первое воскресенье великаго поста, Семенъ Семеновъ опять пришелъ къ намъ и сталъ приглашать насъ на бесѣду. Иларіонъ Егорычъ согласился идти, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы во время бесѣды не называть его настоящимъ именемъ, а звать: «Иванъ Ивановичъ». И такъ всѣ мы отправились на бесѣду въ назначенный домъ, гдѣ уже собралось много народа, и безпоповцевъ и поповцевъ. Обстоятельное изложеніе этой знаменитой бесѣды сдѣлано самимъ о. Павломъ (См. его сочиненія, ч. 1, стр. 270 и слѣд.). Замѣчу только, что на насъ она произвела сильное впечатлѣніе: мы поняли, что наши собесѣдники не могли защитить свою церковь и іерархію отъ возраженій о. Павла. Упомяну еще о слѣдующемъ обстоятельствѣ.

На бесѣдѣ присутствовали двѣ дѣвицы съ непокрытыми головами: это были дочери хозяина того дома, гдѣ было собраніе. Онѣ подходили къ о. Павлу и о чемъ-то съ нимъ говорили. Иларіонъ, недовольный уже ходомъ бесѣды, невыгоднымъ для поповцевъ, какъ только увидѣлъ этихъ дѣвицъ, сильно взволновался и потребовалъ, чтобы подали ему Апостолъ. Взявши книгу, онъ началъ быстро перелистывать ее и отыскалъ въ посланіяхъ Апостола Павла то мѣсто, гдѣ женщинамъ запрещается ходить съ непокрытою главой и поучать. Это онъ сдѣлалъ въ укоръ о. Павлу. Тогда о. Павелъ предложилъ дѣвицамъ покрыть головы, что̀ онѣ исполнили охотно. Согласно просьбѣ Иларіона Егорыча Семенъ Семеновъ называлъ его Иваномъ Ивановичемъ. Впослѣдствіи о. Павелъ упрекалъ за эту ложь и Семена Семеныча, и самого Иларіона. Иларіонъ же Егорычъ, возвращаясь съ бесѣды, сказалъ мнѣ: уйдетъ нынѣ Павелъ въ Великороссійскую церковь, непремѣнно уйдетъ!

II.

Иларіонъ Егорычъ является въ собраніе епископовъ. — Составленіе Окружнаго Посланія. — Какъ было принято и подписано Окружное Посланіе на соборѣ епископовъ. — Какъ упрошенъ былъ Антоній (Шутовъ) скрѣпить Посланіе своею подписью.

Спустя нѣсколько дней послѣ бесѣды съ о. Павломъ, назначено было собраніе епископовъ, на которое должны были явиться и мы съ Иларіономъ Егорычемъ. Предсѣдательствовалъ епископъ Онуфрій, и присутствовали Пафнутій Казанскій, Варлаамъ Балтскій (Антонія Шутова, какъ я говорилъ уже, въ это время не было въ Москвѣ) и другія духовныя и свѣтскія лица. Мы принесли на соборъ слѣдующія 10-ть книжекъ:

1) Апокалипсисъ седмитолковый.
2) Евстафія Богослова.
3) Ложное толкованіе Амфилохіево.

4) Слово отъ старчества, или бесѣда Инока Захарія къ ученику своему Стефану.

5) Ложное толкованіе десяти перстъ и десяти роговъ.

6) Тетрадь о бражникѣ.

7) О винномъ сотвореніи.

8) О картофелѣ.

9) О духовномъ антихристѣ.

10) Лжепророчества о кончинѣ міра.

Соловецкую же челобитную Иларіонъ Егорычь, слѣдуя совѣту Семена Семенова, не взялъ на соборъ, хотя это была, по его мнѣнію, самая вредная книга, удерживающая старообрядцевъ во лжи и невѣжествѣ. Прибывши на соборъ, я и Ѳаддей Іудичъ приняли благословеніе отъ предсѣдателя. А Иларіонъ Егорычъ благословенія ни отъ кого не принялъ, ограничился только общимъ поклономъ. Тогда предсѣдатель собора, Онуфрій, обратился къ нему съ вопросами: какъ живутъ въ Стародубскихъ слободахъ христіане-старообрядцы? всѣ-ли находятся между собою въ согласіи и нѣтъ-ли какихъ раздоровъ?

Иларіонъ Егоровичъ отвѣтилъ: Въ Стародубскихъ слободахъ нѣтъ единомыслія между старообрядцами, напротивъ большое несогласіе: тамъ есть во первыхъ немало безпоповцевъ, которые ни въ чемъ не согласуются съ остальными христіанами; имѣющіе священство также раздѣляются между собою, — одни принимаютъ священниковъ, приходящихъ отъ Великороссійской церкви, другіе избираютъ изъ своей среды мірянъ и привозятъ для поставленія къ вамъ, въ Москву. Между собою всѣ они не сообщаются ни въ моленіи, ни въ церковныхъ таинствахъ.

Тутъ одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ Иларіона Егорыча, какого самъ онъ мнѣнія объ этихъ несогласіяхъ и раздѣленіяхъ.

Иларіонъ Егорычъ отвѣтилъ: Церковь Христова есть соединеніе вѣрующихъ, а не раздѣленіе. Потомъ обращаясь къ епископамъ онъ сказалъ: простите отцы, что осмѣливаюсь вамъ предложить вопросъ: какъ вы признаете

царствованіе антихриста, — духовнымъ или чувственнымъ?

Ему отвѣтили: если бы считали царствованіе антихриста духовнымъ, то не надѣли бы на себя епитрахилей и фелоней!

Иларіонъ Егоровичъ сказалъ на это: Есть однако изъ старообрядческихъ поповъ такіе, которые признаютъ царствованіе антихриста духовнымъ. Наприм. у насъ, въ слободѣ Добрянкѣ, попъ Григорій Акимовъ, поставленный во священники Новозыбковскимъ епископомъ Конономъ, великій ругатель имени Спасителя нашего, — онъ утверждаетъ, что имя Іисусъ есть имя антихриста, также хулитъ и крестъ четвероконечный. Въ доказательство Иларіонъ, представилъ собственноручныя письма попа Григорія къ своимъ знакомымъ, наполненныя хуленій на имя Христово и крестъ четвероконечный.

Епископы отвѣтили: мы не учимъ добрянскаго попа такъ мудрствовать и за него не отвѣтственны; церковь Христова изъ-за одного такого члена не бываетъ порочна.

Иларіонъ Егорычъ возразилъ: Надлежитъ рукополагать во священные сапы со испытаніемъ, — узнавать, право ли исповѣдуютъ рукополагаемые вѣру Христову. А попъ добрянскій Григорій уже давно извѣстенъ за великаго хулителя сладчайшаго имени Христова и честнаго креста. Да и самъ владыка Кононъ, рукоположившій такого хулителя, нисколько не лучше его: вотъ я имѣю его письма и тетради, въ которыхъ онъ ложно толкуетъ о Седминахъ Даніиловыхъ и объ орлѣ въ книгѣ Ездры. И епископъ Софроній преисполненъ такихъ же ложныхъ мудрованій. Я прошу соборъ боголюбивыхъ епископовъ разсмотрѣть эти книжки, обращающіяся между нашими христіанами, и предать ихъ уничтоженію за ложныя и зловредныя ихъ ученія.

Тутъ Семенъ Семеновъ не удержался замѣтить Иларіону: Ты, Иларіонъ Егорычъ, прежде самъ-то войди въ ограду церкви Христовой, да тогда и выметай изъ нея соръ,

по благословенію епископовъ. Мы можемъ распоряжаться только на своемъ дворѣ, а въ чужомъ не хозяева и не обязаны о немъ заботиться.

Семенъ Семеновъ, очевидно, сказалъ это въ упрекъ Иларіону, имѣя въ виду, что онъ, не принимая Австрійской іерархіи, заботился въ тоже время объ ея исправленіи.

Иларіонъ отвѣтилъ: всякій здравомыслящій человѣкъ, видя неправильныя дѣйствія и ложныя сужденія своихъ братьевъ по вѣрѣ, невольно питаетъ къ нимъ сомнѣнія и недовѣріе.

Предсѣдатель собора, Онуфрій, спросилъ: что же дѣлать, если народъ и нѣкоторые изъ пастырей заблуждаются?

Иларіонъ Егоровичъ отвѣтилъ, что вредныя сочиненія надлежитъ предать уничтоженію, чтобы народъ, читая ихъ, не заблуждался; а заблуждающимся пастырямъ нужно предложить, чтобы оставили свои ложныя ученія.

Онуфрій велѣлъ присутствовавшему здѣсь писарю Духовнаго Совѣта Ивану Захарову прочитать изъ книжекъ, представленныхъ Иларіономъ Егорычемъ, тѣ мѣста, въ которыхъ имъ отмѣчены были ложныя толкованія.

Наконецъ Онуфрій, обращаясь къ Иларіону и къ Семену Семенову, сказалъ: поручаемъ вамъ написать посланіе на уничтоженіе этихъ 10-ти тетрадокъ и другихъ ложныхъ толкованій и ученій; завтра приходите ко мнѣ, — я дамъ вамъ разрѣшеніе на бумагѣ [1]).

На другой день Семенъ Семеновъ явился къ намъ на квартиру съ обѣщанной Онуфіемъ бумагой, въ которой содержалось порученіе имъ написать отъ имени епископовъ посланіе: «во отвращеніе неправыхъ мнѣній и кривосказательныхъ тетрадей». При этомъ Семенъ Семеновъ

---

[1]) *Прим. о. Онуфрія.* Иларіонъ Егорычъ знакомъ былъ мнѣ съ первыхъ годовъ моего иночества,— съ Лаврентьева монастыря. По отбытіи моемъ за границу, въ промежутокъ 25 лѣтъ, я слыхалъ объ немъ, что онъ много сражается съ безпоповцами. Когда потомъ въ 1861 г. я пріѣхалъ въ Москву и по довѣрію Кирилла вступилъ въ управленіе церковными дѣлами россійскихъ старообрядцевъ,

заявилъ Иларіону Егорычу, что самъ онъ писать не мастеръ и потому просилъ, чтобы Иларіонъ Егорычъ одинъ занялся сочиненіемъ посланія; самъ же обѣщался, въ случаѣ надобности, приходить для обсужденія такихъ предметовъ, о которыхъ Иларіонъ Егорычъ могъ бы имѣть сомнѣніе. Когда Семенъ Семеновъ ушелъ, Иларіонъ Егорычъ обратившись къ намъ проговорилъ: ну, друзья, Василій Егорычъ и Ѳаддей Іудичъ! помолимся Богу и возмемся за дѣло. Потомъ онъ поставилъ для себя отдѣльный столъ, положилъ на него книги, и взявши бумагу написалъ:

«Окружное Посланіе».

«Возлюбленнымъ чадомъ единыя святыя, Соборныя, Апостольскія, древлеправославныя каѳолическія церкви — всѣмъ и повсюду пребывающимъ, хранящимъ и соблюдающимъ священные догматы правыя вѣры и преданія св. Апостолъ и св. Богоносныхъ отецъ» и т. д.

Когда потомъ онъ кончилъ посланіе, попросилъ меня позвать Семена Семенова для предварительнаго его прочтенія, такъ какъ составить его поручено было имъ обоимъ. Семенъ Семеновъ не замедлилъ явиться. Прочитавши посланіе, онъ сказалъ: составлено хорошо. Онъ предложилъ только въ одномъ мѣстѣ сдѣлать небольшое добавленіе о безпоповцахъ изъ принесенной имъ тетради. Иларіонъ Егорычъ согласился и вписалъ слѣдующее: «Безпоповцы,

какъ его намѣстникъ, въ Москву пріѣхалъ и Иларіонъ. Это было въ 1862 г. Онъ былъ у меня на квартирѣ, гдѣ находились и прочіе епископы. Иларіонъ спрашивалъ о попахъ Григоріѣ и Николѣ Добринскихъ, нашего ли они поставленія. Мы отвѣчали: нашего (т. е. Австрійскаго). Тогда онъ сталъ говорить объ этихъ попахъ, что они ходятъ по домамъ, читаютъ безпоповскія тетрадки и сѣютъ лжеученія. Мы отвѣтили, что не учили ихъ этого дѣлать. Потомъ я сказалъ Иларіону: напишите, что слѣдуетъ противъ лжеученія этихъ тетрадокъ,— мы подпишемъ. Иларіонъ пожелалъ, чтобы мы дали это порученіе письменно, и я далъ ему за подписомъ моей руки довѣрительную грамоту — написать, при содѣйствіи Семена Семенова, Окружное Посланіе.

не исповѣдующіе приношенія безкровныя жертвы на лицѣ вселенныя, дерзостное ругательство наводятъ на евхаристію, нынѣ совершаемую въ Греческой и Россійской церкви. Но таковымъ продерзателямъ затыкаютъ уста восточніи учители: священнѣйшій Іоаннъ Китрожскій, преподобный Матѳей Правильникъ и всечестный Севастъ Армепополь, иже о римскихъ опрѣснокахъ пишуще, и причащатися онѣмъ не повелѣваютъ, но благословнѣ и за простые хлѣбы не вмѣняютъ, призыванія ради Господня и сп. брата Божія Іакова священныхъ препѣваній, надъ ними совершаемыхъ», и т. д. Кромѣ этого добавленія о безпоповцахъ Семену Семенову ничего не принадлежитъ въ Окружномъ Посланіи; все оно составлено Иларіономъ Егорычемъ.

Меня же Иларіонъ Егорычъ послалъ и къ епископу Онуфрію,—извѣстить, что посланіе окончено. Онуфрій спросилъ меня: вмѣстѣ ли оба, т. е. Иларіонъ Егорычъ и Семенъ Семенычъ, составляли Посланіе, или кто нибудь одинъ? Я отвѣтилъ, что все Посланіе написано Иларіономъ Егорычемъ, кромѣ небольшой вставки о римскихъ опрѣснокахъ. Онуфрій сказалъ, что Иларіонъ Егорычъ будетъ извѣщенъ, когда явиться на соборъ для утвержденія посланія [1]).

Между тѣмъ Окружное Посланіе было переписано въ двухъ экземплярахъ, — одинъ самимъ Иларіономъ, другой письмоводителемъ Антонія, Иваномъ Захаровымъ,—оба переписаны церковно-славянскими буквами. На 24-ое Февраля былъ назначенъ соборъ епископовъ для разсмотрѣнія Посланія. Когда намъ прислали приглашеніе явиться на соборъ, Иларіонъ Егорычъ увязалъ въ платокъ свое сочиненіе и обращаясь ко мнѣ съ Ѳаддей Іудичемъ, проговорилъ: надо торопиться, чтобы не заставить ждать

[1]) По свидѣтельству о. Онуфрія Иларіонъ цѣлую недѣлю занимался составленіемъ Посланія, и окончивши его, еще не переписанное, читалъ ему и другимъ епископамъ» „это было на моей квартирѣ, въ Пустой улицѣ, въ домѣ Агафьи Ѳедоровны, въ саду, въ кельѣ, гдѣ я жилъ: собрались мы воедино, выслушали, признали— хорошо, здраво, лучше быть нельзя".

насъ: помолитесь Богу, чтобы онъ укрѣпилъ насъ въ предстоящемъ дѣдѣ. И сдѣлавши по обычаю семь поклоновъ передъ иконами, какъ это онъ дѣлалъ всегда передъ началомъ всякаго важнаго дѣла, отправился съ нами на соборъ въ назначенный домъ. По приходѣ, я принялъ благословеніе отъ епископа Онуфрія; а Иларіонъ Егорычъ и Ѳаддей Іудичъ стали поодаль, сдѣлавши только всѣмъ владыкамъ и прочимъ присутствовавшимъ общій поклонъ. Первый обратился къ Иларіону Егорычу епископъ Онуфрій съ такими словами: Иларіонъ Георгіевичъ! мы поручили вамъ составить посланіе; настоящій соборъ составился для разсмотрѣнія и обсужденія этого посланія; просимъ васъ предъявить намъ оное. Иларіонъ Егорычъ развязалъ свой платокъ, вынулъ Посланіе и отдалъ Онуфрію. Стали читать Посланіе, и когда было прочтено, то сдѣлалось среди присутствовавшихъ, между которыми были и міряне, нѣкоторое волненіе, — слышны были возгласы: что это за Окружное Посланіе? на что оно намъ? и т. п. Но епископы сидѣли спокойно и ничего не говорили. Иларіонъ Егорычъ началъ защищать Посланіе и доказывать необходимость его изданія. Тогда и Варлаамъ Балтскій сказалъ что-то не въ пользу посланія; но Онуфрій и Нафнутій Казанскій продолжали хранить молчаніе. Видя, что дѣло можетъ окончиться неблагополучно для насъ и зная, какое вліяніе на старообрядцевъ имѣетъ Семенъ Семеновъ, я вызвалъ его въ другую комнату и сталъ убѣждать, чтобы выступилъ на защиту Окружнаго Посланія предъ соборомъ и посодѣйствовалъ его подписанію.

Онъ отвѣтилъ мнѣ: что же дѣлать, когда не желаютъ принять Посланіе!

Я спросилъ: Да самъ-то ты желаешь ли принять его? Онъ отвѣтилъ уклончиво: я одинъ; обо мнѣ нечего говорить.

— Смотрѣть на другихъ нечего,— сказалъ я; вамъ нужно смѣло и неуклонно стоять за истину. Да и то знай, Семенъ Семенычъ, — прибавилъ я, — что если Окружное

Посланіе не будетъ принято, то Иларіонъ не оставитъ своихъ намѣреній, а пойдетъ противъ всѣхъ и дѣло выйдетъ хуже.

Когда мы вошли обратно въ комнату, гдѣ происходилъ соборъ, нѣкоторые изъ мірянъ обратились къ Семену Семенову съ вопросомъ, какое его мнѣніе объ Окружномъ Посланіи.

Семенъ Семеновъ отвѣтилъ: дѣло это ни меня, ни васъ не касается; намъ не слѣдовало бы и разсуждать объ этомъ: у насъ есть пастыри, которые могутъ объ этомъ разсуждать и имѣютъ право писать посланія.

На это ему кто-то возразилъ: по твоему мнѣнію, значитъ, можно ходить въ Великороссійскую церковь и считать ее за истинную Христову церковь, Іисусъ и Ісусъ, крестъ осмиконечный и четвероконечный,— все это одинаково, какъ написалъ о томъ Иларіонъ?

Тутъ епископъ Онуфрій, все время молчавшій, проговорилъ: Я въ Окружномъ Посланіи ничего не нахожу противнаго духу христіанскому: Господи благослови!

Затѣмъ взялъ перо и подписалъ Посланіе. За нимъ подписался Пафнутій Казанскій.

А Варлаамъ взялъ въ руки Посланіе и, обратясь къ другимъ епископамъ, проговорилъ: отцы святіи, я прочту Посланіе повнимательнѣе, обдумаю его получше, и тогда подпишу.

На это замѣтилъ ему, бывшій съ нимъ, іеродіаконъ его Ипполитъ: Владыко святый! въ Окружномъ Посланіи сомнительнаго ничего нѣтъ, можно его подписать.

Варлаамъ, ничего не отвѣчая, продолжалъ медленно читать про себя Окружное Посланіе и долго его разсматривалъ; потомъ, рѣшившись подписать, онъ сказалъ: подайте чернила! Перекрестился, и началъ подписывать; но въ это время на лицѣ его изобразился испугъ, и руки задрожали, такъ что онъ съ большимъ трудомъ могъ подписаться. Послѣ него подписались попы Петръ, Ѳедоръ, іеродіаконъ Ипполитъ и др.

Такъ совершилось подписаніе, или изданіе Окружнаго Посланія къ великой радости Иларіона Егорыча [1]).

Спустя нѣсколько дней, насъ извѣстили, что въ Москву пріѣхалъ Антоній (Шутовъ). Иларіонъ сказалъ мнѣ: сходи, Василій Егорычъ, къ епископу Онуфрію и къ попу Петру Ѳедорычу, — узнай, когда у нихъ будетъ собраніе, чтобы и намъ явиться предложить Антонію для подписи Окружное Посланіе. Я отправился въ домъ къ Петру Ѳедорову и узналъ, что у него собрались въ это время всѣ архіереи, и желаютъ видѣть Иларіона. Я поспѣшно возвратился на свою квартиру и передалъ объ этомъ Иларіону. Онъ собрался и положивши передъ иконами семь поклоновъ, проговорилъ, обращаясь къ намъ: ну, друзья, настаетъ самое трудное время: не легко будетъ намъ склонить Антонія къ подписи Окружнаго Посланія!

И такъ отправились мы въ собраніе. Антоній зналъ меня хорошо, и былъ ко мнѣ расположенъ, — я привозилъ къ нему четырехъ человѣкъ изъ нашей мѣстности для поставленія въ попы, часто бывалъ у него и подолгу бесѣдовалъ. Подойдя къ нему подъ благословеніе, я представилъ ему Иларіона Егорыча, котораго онъ видѣлъ теперь въ первый разъ. Иларіонъ остановился вмѣстѣ съ другими у дверей, не принимая благословенія отъ Антонія. Антоній ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: бросивъ холодный взглядъ на Иларіона, онъ сидѣлъ молча и имѣлъ разсерженный видъ.

---

[1]) *Замѣч. о. Онуфрія.* Съѣхались мы въ Замоскворѣчье, къ Суровову въ домъ, и тутъ прочитывали (переписанное) Посланіе и всѣ одобрили. Но подписываться что-то не было охоты,— мысль подавали, хоть бы и такъ обойтись, безъ подписи. Но Иларіонъ настаивалъ, что безъ подписи Посланіе ничего не стоитъ, просилъ непремѣнно скрѣпить подписью всѣхъ духовныхъ членовъ. Нечего дѣлать,— видно надо подписывать. Я беру перо и говорю: кому какъ угодно, а я подпишу. И подписалъ первый, какъ предсѣдатель. Подписалъ и Казанскій Пафнутій, и Варлаамъ и другіе. Для Антонія мѣсто оставили,— второе, пониже меня.

Иларіонъ Егорычъ робко подошелъ къ нему и тихимъ голосомъ проговорилъ: владыко святый! во время вашего отсутствія епископы подписали Посланіе; подпишите и вы.

Антоній грубо отвѣтилъ: не буду я подписывать твое Окружное!

И съ этими словами быстро отодвинулъ отъ себя рукопись, наклонилъ голову и сталъ смотрѣть внизъ. Епископъ Онуфрій, попъ Петръ и прочіе присутствовавшіе также молчали. Ничего не говорилъ и самъ Иларіонъ.

Тутъ я, какъ человѣкъ болѣе другихъ знакомый Антонію, сталъ убѣждать его, чтобы подписалъ Посланіе: владыко святый! вы не хотите подписать потому, что опасаетесь раздора въ Москвѣ; но если и не подпишите, то также произойдетъ раздѣленіе: отъ васъ отдѣлятся не только жители Стародубскихъ слободъ, но и наши калужане.

Антоній на это возразилъ мнѣ: ты, Василій Егорычъ, совершенно тово, за себя говорить можешь, а за другихъ не можешь!

Я замолчалъ.

Видя, что всѣ просьбы и увѣщанія нисколько не помогаютъ, Иларіонъ Егоровичъ рѣшился на послѣднее средство,— дернулъ меня за руку, давая этимъ знакъ, чтобы я слѣдовалъ ему, опустился на колѣна и сталъ кланяться Антонію до земли; и мы послѣдовали его примѣру, — также поклонились до земли, и стали упрашивать, чтобы подписалъ Окружное Посланіе. Антоній не тронулся и этимъ; по прежнему продолжалъ упорствовать. Мы преклонились передъ нимъ вторично, и въ третій разъ. Все было тщетно. Тутъ, къ нашему счастію, пришелъ Семенъ Семеновъ, и, узнавши, что Антоній, не смотря ни на какія просьбы и увѣщанія, не соглашается подписать Окружное Посланіе, замѣтилъ ему: владыко святый, если вы не желаете подписывать Окружное Посланіе, то должны объяснить, почему не желаете. Что же вы находите не правильнаго въ Окружномъ? Если не объясните, вы останетесь виновными.

Не дожидаясь, что̀ отвѣтитъ Антоній Семену Семенову, Иларіонъ снова упалъ передъ Антоніемъ на колѣна и преклонилъ голову до земли; мы также послѣдовали его примѣру, а за нами и Семенъ Семеновъ поклонился до земли передъ неумолимымъ владыкой. Никто изъ насъ не поднимался, — продолжаемъ лежать.

Наконецъ Антоній, тронутый нашими мольбами, милостиво проговорилъ: ну, совершенно тово, вставайте, — подпишу!

Мы, обрадованные, что наконецъ достигли желаемаго, быстро встали на ноги. Въ эту минуту, епископъ Онуфрій, все время бывшій безмолвнымъ зрителемъ происходившаго, поднялся съ своего стула, подошелъ къ другому столу, взялъ чернилицу и поставилъ передъ Антоніемъ, потомъ раскрылъ передъ нимъ списокъ Окружнаго Посланія и указалъ оставленное ему мѣсто для подписи. Очевидно, епископъ Онуфрій тоже былъ доволенъ, что Антоній согласился наконецъ подписать Окружное Посланіе. Подписи сдѣланы были на двухъ экземплярахъ; одинъ остался въ Духовномъ Совѣтѣ, а другой, по просьбѣ Иларіона Егоровича, былъ отданъ ему. Послѣ этого мы подошли подъ благословеніе къ Антонію; тогда же принялъ отъ него благословеніе и Иларіонъ Егорычъ, дотолѣ не подходившій подъ благословеніе ни къ кому изъ епископовъ.

Довольные благополучнымъ исходомъ дѣла, мы возвратились къ себѣ на квартиру, и такъ какъ болѣе намъ не предстояло въ Москвѣ никакого дѣла, то и стали собираться къ отъѣзду въ свои мѣста. Всего пробыли мы въ Москвѣ болѣе мѣсяца.

III.

Пріѣздъ Иларіона Егорыча изъ Москвы по Фролово и въ Калугу: собраніе калужскихъ старообрядцевъ. — Поѣздка на родину Иларіона. — Возвращеніе Иларіона въ Стародубье: печальныя извѣстія о судьбѣ Окружнаго Посланія и новыя сочиненія Иларіона. — Вторая поѣздка въ Москву. — Свиданіе съ Семеномъ Семеновымъ, о. Онуфріемъ и попомъ Ѳедоромъ. — Разговоръ съ Иларіономъ по поводу этихъ свиданій. — Иларіонъ въ собраніи епископовъ: столкновеніе съ Семеномъ Семеновымъ. — Собраніе въ домѣ Самыкова. — Какъ принялъ Иларіонъ извѣстія о происходившемъ на собраніи.

Изъ Москвы Иларіонъ Егорычъ и Ѳаддей Іудичъ сначала заѣхали ко мнѣ во Фролово, а отсюда мы отправились въ Калугу. Здѣсь, какъ только узнали о нашемъ пріѣздѣ, составилось собраніе изъ болѣе видныхъ и ревностныхъ членовъ старообрядческаго общества въ домѣ купца Фалѣева, на которое явился и калужскій старообрядческій попъ Василій. Иларіонъ Егорычъ обратился къ собранію приблизительно съ такою рѣчью: Съ вашего согласія и съ согласія другихъ христіанскихъ обществъ, ревнуя о общемъ благѣ, ѣздили мы въ Москву для умиротворенія братій нашихъ; потрудились съ Божіей помощью въ этомъ благомъ дѣлѣ, и труды наши не остались тщетны; при насъ неоднократно были составляемы соборы, на которыхъ боголюбивые епископы уничтожили богопротивныя безпоповскія тетради и издали въ устраненіе безпоповскихъ лжеученій Окружное Посланіе, которое я имѣю при себѣ, за подписью боголюбивыхъ епископовъ. При этомъ онъ показалъ находившійся у него экземпляръ Окружнаго Посланія. Всѣ начали просить Иларіона Егорыча, чтобы прочиталъ Посланіе. Онъ согласился, и когда окончилъ чтеніе, многіе, остались недовольны Посланіемъ, — стали говорить между собою: въ чемъ же послѣ этого мы разнствуемъ отъ Великороссійской церкви и за что отдѣляемся отъ нея, если должны одинаково съ ней испо-

вѣдывать истины вѣры и обряды ея считать за такіе же, какъ и наши? Подобныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ. Иларіонъ Егорычъ не дѣлалъ возраженій, а только сказалъ: братіе, я прошу и вы попросите вашего батюшку, отца Василія, чтобы онъ по примѣру епископовъ и другихъ священниковъ подписалъ Окружное Посланіе.

Въ отвѣтъ на это опять послышались возраженія: зачѣмъ намъ подписывать! насъ Окружное Посланіе не касается.

Иларіонъ Егоровичъ сказалъ: не васъ я прошу я подписывать посланіе, а прошу, чтобы отецъ Василій подписалъ его.

— И этого не нужно! — возражали ему. — Для чего подписывать отцу Василію, когда архіереи уже подписали?

Иларіонъ Егоровичъ замѣтилъ: когда я проѣздомъ въ Москву былъ у васъ и читалъ вамъ предварительно составленныя записки, которыя теперь вошли въ Окружное Посланіе, то вы ихъ одобрили и ничему не противорѣчили.

— Мы и теперь согласны съ тобой, да только не нужно отцу Василію подписывать Посланіе.

Тогда Иларіонъ Егоровичъ, сказалъ: я потому прошу отца Василья подписать посланіе, что городъ Калуга и его окрестности имѣютъ много христіанъ-старообрядцевъ, представителемъ которыхъ онъ служитъ.

Тутъ мнѣнія калужскихъ старообрядцевъ раздѣлились: одни говорили, что вреднаго ничего не будетъ, если отецъ Василій подпишетъ Посланіе; другіе продолжали говорить, что не слѣдуетъ ему подписывать; а иные сказали: пусть подписываетъ, да и ходитъ одинъ въ часовню! Но болѣе вліятельныя лица, стоявшія за Окружное Посланіе, отвѣтили этимъ послѣднимъ: если не желаете ходить въ часовню, то и не ходите; а мы желаемъ и будемъ ходить.

Тогда попъ Василій, сказалъ: Я нахожу возможнымъ подписать Окружное Посланіе, потому что ничего вреднаго въ немъ не нахожу. Вѣдь вы сами того мнѣнія, что антихриста еще нѣтъ, и я такъ думаю: потому и подписываю Окружное. А кто говоритъ, что теперь антихристъ царствуетъ въ мірѣ, тотъ, конечно, подписывать не будетъ.

Съ этими словами онъ подписалъ Окружное Посланіе.

Собраніе разошлось; а мы отправились втроемъ опять ко мнѣ во Фролово. Ѳаддей Іудичъ ѣздилъ потомъ по Дворецъ къ М. С. Дудареву съ которымъ имѣлъ бесѣду объ Окружномъ Посланіи [1]), и оттуда отправился домой, въ Стародубскія слободы. А Иларіонъ Егорычъ пожелалъ посѣтить своихъ родителей, жившихъ въ деревнѣ Глотовѣ. Онъ пригласилъ съ собою меня и нашего попа Андрея, для котораго, бывши въ Москвѣ, испросилъ у Духовнаго Совѣта письменное разрѣшеніе исполнять духовныя требы и внѣ своего прихода. Вблизи Глотова хотя и былъ старообрядческій попъ, но онъ держался безпоповщинскихъ мнѣній, почему Иларіонъ Егорычъ избѣгалъ его и не приглашалъ въ свою моленную. Мы охотно согласились съ нимъ ѣхать. По пріѣздѣ, онъ показывалъ намъ свою домашнюю моленную, которая была устроена имъ внутри двора: устройство и убранство моленной очень намъ понравились. Это было въ постъ. Иларіонъ повѣстилъ народъ чтобы приходили къ службамъ, такъ какъ пріѣхалъ священникъ. Народу, собралось много, такъ что моленная была вся наполнена; служили вечерню, навечерницу и каноны. Потомъ Иларіонъ Егорычъ сказалъ попу Андрею, чтобы исповѣдывалъ желающихъ. Въ числѣ желающихъ были Иларіоновы родители и сестры, но самъ онъ уклонился отъ исповѣди и причастія. На слѣдующій день совершалась утреня, послѣ которой Иларіонъ Егорычъ

---

[1]) Бесѣду свою съ Ѳаддеемъ Іудичемъ М. С. Дударевъ изложилъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ксеносѣ; см. *Брат. сл.* 1883 г. т. 1, стр. 81 — 87.

самъ читалъ причастные часы. Вообще во все время службы, также во время причащенія народа, онъ былъ за уставщика, — пѣлъ, читалъ, помогалъ попу, при чемъ внимательно слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ училъ его, показывая въ Потребникѣ разныя церковныя правила и молитвы. Оставшись наединѣ со мною, Иларіонъ Егорычъ сказалъ: ты, Василій Егорычъ, когда будешь въ Москвѣ, не говори про меня, что я здѣсь, въ Глотовѣ, не исповѣдывался и не причащался; а скажи, что вмѣстѣ съ другимъ народомъ и я исповѣдывался и причащался. Меня до крайности удивила эта его просьба говорить въ Москвѣ, что онъ исповѣдывался и причащался, когда на самомъ дѣлѣ этого не было. Видно, что онъ имѣлъ тутъ какіе-то свои разсчеты, — вѣроятно хотѣлъ избѣгнуть нареканій со стороны Антонія, который дѣйствительно упрекалъ его потомъ за неимѣніе отца духовнаго.

Съ родины Иларіонъ Егорычъ отправился въ Стародубскія слободы, для предъявленія тамошнимъ старообрядцамъ Окружнаго Посланія. Многіе охотно его приняли; но здѣсь же явились и горячіе его противники. Первымъ и самымъ сильнымъ былъ Добрянскій попъ Григорій, который въ противодѣйствіе Иларіону не только сталъ возбуждать противъ Окружнаго Посланія стародубскихъ старообрядцевъ, но и писалъ въ разныя мѣста, также и въ Москву: онъ собралъ нѣсколько писемъ Иларіона Егорыча, писанныхъ имъ еще до изданія Окружнаго Посланія къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ обличались незаконныя дѣйствія Антонія Шутова и вообще лживость Австрійской іерархіи. Потомъ, съ нѣкоторыми изъ наиболѣе смѣлыхъ своихъ приверженцевъ, отправился и самъ въ Москву. Здѣсь, явившись къ Антонію въ качествѣ депутатовъ отъ стародубскаго общества, они просили его объ уничтоженіи Окружнаго Посланія, подкрѣпляя свои просьбы неблаговидными отзывами Иларіона Егорыча какъ о самомъ Антоніѣ, такъ и вообще о всей Австрій-

ской іерархіи, въ подтвержденіе чего представили ему Иларіоновы письма. Потомъ, по происканъ попа Григорія и его сообщниковъ, въ началѣ 1863 г. пріѣзжалъ въ Москву и самъ Бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ: здѣсь въ Февралѣ мѣсяцѣ онъ издалъ грамоту объ уничтоженіи Окружнаго Посланія, которую потомъ подписалъ и Антоній. О всемъ этомъ Иларіонъ Егорычъ получалъ извѣстія изъ Москвы и собирался самъ туда ѣхать для защиты Посланія. Между тѣмъ онъ занятъ былъ составленіемъ сочиненія, названнаго имъ «Омышленіе» и содержащаго разборъ изданной Кирилломъ грамоты объ уничтоженіи Посланія [1]). Кромѣ того, по порученію Антонія, онъ составилъ цѣлую книгу, въ которой описалъ исторію, чины и обряды Вѣтковской церкви. [2]) Окончивъ эти два сочиненія, Иларіонъ Егорычъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года снова поѣхалъ въ Москву и на пути заѣхалъ ко мнѣ. Ѳаддей Іудичъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могъ въ это время ѣхать съ нимъ въ Москву, не смотря на сильное желаніе Иларіона Егорыча. Приглашая меня ѣхать въ Москву, онъ сообщилъ мнѣ о полученныхъ оттуда печальныхъ извѣстіяхъ, что большая половина московскихъ старообрядцевъ и всѣ живущіе

---

[1]) „Омышленіе“— одно изъ лучшихъ сочиненій Иларіона: на него ссылался Сильвестръ Балтскій въ своемъ письмѣ къ Савватію, какъ на обстоятельное изложеніе несообразностей изданнаго Кирилломъ акта 24 Февр 1863 г. (См. *Брат. сл.* стр. 243-244). Мы надѣемся издать и «Омышленіе» вмѣстѣ съ другими сочиненіями Иларіона.

[2]) Вотъ полное заглавіе этого обширнаго Иларіонова сочиненія: «Кратчайшее начертаніе исторіи Вѣтковскія церкви и краткое изложеніе догматовъ и преданій, чиновъ же и обрядовъ и обычаевъ древлеправославнокаѳолическаго исповѣданія единыя святыя соборныя и апостольскія церкви, свято сохраненныхъ до временъ Никона патріарха, и донынѣ сохраняемыхъ послѣдователями древле церковнаго благочестія свято и нерушимо и отнюдь непзмѣнно». Объ этомъ самомъ сочиненіи Иларіона мы упоминали въ разговорѣ съ г. Соловьевымъ на Рогожскомъ Кладбищѣ (см. *Брат. сл.* стр. 233). Мы не замедлимъ познакомить съ нимъ читателей.

въ Гуслицахъ (гусляки) возсталп противъ Окружнаго Посланія и требуютъ его уничтоженія. Я спросилъ: а какъ у васъ въ стародубскихъ слободахъ, — принимаютъ ли Посланіе? Онъ отвѣтилъ: у насъ въ слободахъ возбудилъ старообрядцевъ, противъ Окружнаго Посланія мой сильнѣйшій врагъ, добрынскій попъ Григорій; онъ объѣхалъ всѣ слободы и вездѣ возбуждалъ народъ, не принимать Окружнаго Посланія, и наконецъ отправился въ Москву съ своими единомышленниками. Я утѣшалъ Иларіона, просилъ не безпокоиться.

— Всегда бываетъ, — говорилъ я, — что истина борется съ ложью; и мы, какъ начали стоять за истину, такъ и должны до конца бороться за нее.

— Если такъ, — сказалъ Иларіонъ, — то нечего намъ медлить; нужно ѣхать скорѣе въ Москву. Вотъ посмотрю, — прибавилъ онъ, — какъ ты будешь стоять за истину и защищать ее.

— Я поѣду съ тобою въ Москву, — отвѣтилъ я, — и сколько возможно буду тебѣ помогать.

По моему предложенію съ нами поѣхалъ еще М. И. Куренковъ, мой хорошій знакомый, человѣкъ очень начитанный. Когда мы пріѣхали въ Москву, тамъ въ это время находились, кромѣ Онуфрія и Антонія, епископы: Аѳанасій Саратовскій, Савватій Тобольскій, Іовъ Кавказскій, Іустинъ Тульчинскій и іеродіаконъ Викентій, вмѣсто своего епископа Константина Оренбургскаго. Прежде всего я отправился къ Семену Семенову, главному совѣтчику Антонія, и сталъ его распрашивать о дѣлахъ, касающихся старообрядчества. Онъ сказалъ. У насъ въ послѣднее время все вниманіе обращено на Окружное Посланіе, со всѣхъ сторонъ получаемъ письма и просьбы объ его уничтоженіи. И въ Москвѣ, — продолжалъ онъ, — тоже большой раздоръ, который можно прекратить только уничтоженіемъ Окружнаго. Я спросилъ еще, какъ самъ онъ думаетъ о Посланіи. Онъ отвѣчалъ: Я тоже думаю, что его слѣдуетъ уничтожить, такъ какъ этого требуетъ большин-

ство. Возвратившись на квартиру, я передалъ все это Иларіону. Ему очень непріятно было слышать мой разсказъ, тѣмъ болѣе, что Семенъ Семеновъ былъ его сотрудникомъ по составленію Окружнаго Посланія и былъ человѣкъ вліятельный въ старообрядческомъ мірѣ. Потомъ я отправился по его просьбѣ къ епископу Онуфрію, передать слышанное отъ Семена Семенова. О. Онуфрій сказалъ мнѣ: Да, это правда; многіе желаютъ уничтожить Окружное Посланіе, даже и всѣ владыки, за исключеніемъ Пафнутія Казанскаго.

— А вы, владыко святый, какого объ этомъ мнѣнія? спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ рѣшительно: Я никогда не соглашусь стать на сторонѣ неправды; если будетъ сдѣлано постановленіе объ уничтоженіи Окружнаго Посланія, я не соглашусь подписывать его, не смотря ни на что. Такъ и передай Иларіону Егорычу, что я буду стоять за Окружное, которое утвердилъ своей подписью, и не измѣню себѣ.

Возвращаясь отъ епископа Онуфрія, я встрѣтилъ на дорогѣ попа Ѳедора, который, какъ членъ Духовнаго Совѣта, зналъ хорошо всѣ дѣла, касающіяся старообрядчества. Съ нимъ я также заговорилъ объ Окружномъ Посланіи, чтобы узнать его мнѣніе. Онъ отвѣчалъ: Хотя большинство старообрядцевъ стоитъ за уничтоженіе Окружнаго Посланія; но его не слѣдуетъ уничтожать. Если откровенно говорить, то мы, старообрядцы, хоть и много ересей находимъ въ Великороссійской церкви, а православные могутъ найти ихъ еще больше у насъ. Потомъ, указывая на кремлевскіе соборы прибавилъ: скажу тебѣ чистосердечно: тамъ соборная апостольская церковь, а не у насъ — старообрядцевъ.

Когда я возвратился къ Иларіону Егорычу и разсказалъ все, что слышалъ отъ о. Онуфрія и что́ говорилъ попъ Ѳедоръ о Великороссійской церкви, то Иларіонъ Егорычъ, сначала даже не повѣрилъ мнѣ, чтобы попъ Ѳедоръ былъ такихъ мнѣній, — проспалъ меня въ подтвержде-

ніе справедливости моихъ словъ перекреститься. Я перекрестился. Тогда онъ открылъ окно и, показывая мнѣ на кремлевскіе соборы, сказалъ: дѣйствительно, вотъ тамъ вселенская, соборная церковь, а не наша австрійская. Потомъ, съ большимъ оживленіемъ онъ продолжалъ: если наши епископы уничтожатъ Окружное Посланіе, то я въ обличеніе ихъ напишу цѣлыя книги; я хорошо знаю ереси ихъ австрійской вѣры, и докажу ясно всѣмъ ихъ заблужденія и еретическія умствованія. Долго ходилъ онъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи, и наконецъ, взявъ въ одну руку Окружное Посланіе, а въ другую «Омышленіе» и поднявъ ихъ, проговорилъ: Пусть меня хоть распинаютъ, а я не оставлю Окружнаго Посланія! я готовъ за него умереть! А относительно Антонія, — продолжалъ онъ, — я вамъ скажу, что нѣтъ въ немъ благодати! Тутъ я спросилъ: если у Антонія нѣтъ благодати, то другіе-то епископы, по твоему мнѣнію, имѣютъ ли ее? Онъ отвѣтилъ: про другихъ я ничего не скажу, а про Антонія утверждаю, что онъ безъ благодати, ибо въ немъ кроются прежнія безпоповскія понятія. Я сказалъ: если Антоній безъ благодати, то и другіе должны быть такими же, потому что всѣ они произошли отъ одного корня. Иларіонъ Егоровичъ продолжалъ: Не лучше ли намъ отдѣлиться отъ Москвы? изберемъ себѣ епископа правильно мыслящаго, одного на двѣ губерніи: Калужскую и Черниговскую, и будемъ себѣ жить спокойно, по истинѣ; а иначе пропадешь съ такими кривотолками, какъ Антоній и его единомышленники. Я спросилъ: кого же онъ находитъ правомыслящимъ и желалъ бы имѣть своимъ епископомъ? Онъ отвѣчалъ, что Пафнутій Казанскій человѣкъ правомыслящій и его хорошо бы имѣть нашимъ епископомъ, — ему можно подчиниться безъ сомнѣнія, ибо онъ не держится безпоповскихъ вредныхъ толкованій.

Спустя нѣсколько времени къ намъ пришелъ Семенъ Семеновъ приглашать Иларіона на соборъ; проспалъ, его

взять и составленныя имъ сочиненія «О вѣтковской церкви» и «Омышленіе». Мы отправились. Въ собраніи было много старообрядцевъ, начетниковъ, были и всѣ епископы; предсѣдательствовалъ Онуфрій. Иларіонъ Егоровичъ представилъ привезенныя имъ сочиненія, которыя и были читаны въ собраніи. Противъ нихъ возраженій никто не дѣлалъ. Тогда Иларіонъ приступилъ къ епископамъ съ просьбою утвердить подписью къ непремѣнному исполненію изложенные у него вѣтковскіе обряды. Онуфрій замѣтилъ на это: Обряды я одобряю, но подписать ихъ не могу; потому что если у васъ ведутся такіе обряды съ давнихъ временъ, то въ другихъ мѣстахъ могутъ быть тоже обряды хорошіе и тоже съ давнихъ временъ, но съ вашими не согласоваться: поэтому я и не могу подписать твоей книги. Вслѣдъ за этимъ къ столу подошелъ Семенъ Семеновъ и сталъ говорить: Я нахожу обряды стародубскихъ христіанъ не согласными съ старыми Уставами. Такъ напр. Уставъ повелѣваетъ во время богослуженія братіи стоять иногда съ откровенною главою, а у стародубскихъ христіанъ иноки и священноиноки никогда не снимаютъ въ церкви скуфейки (камилавки)[1]). Иларіонъ Егорычъ возразилъ на это: Клобуки снимаются при богослуженіи, когда повелѣно стоять съ откровенною главою, а скуфейки, которыя иноки носятъ подъ клобуками, никогда не снимаются. И у грековъ такъ дѣлается доселѣ, о чемъ я распрашивалъ лично у многихъ изъ нихъ. Этотъ обычай у нихъ ведется съ давнихъ поръ, такъ что если Уставъ повелѣваетъ стоять братіи съ откровенной главой, напр. во время чтенія Евангелія, во время Достойно есть.... и пр., то снимаются только одни клобуки, а скуфейка остается на го-

[1]) Въ главѣ «о откровеніи главъ инокамъ» Иларіонъ дѣйствительно пишетъ, что будто бы обычай, «еже обнажати главу простому иноку и *вкупѣ съ клобукомъ и камилавку отлагати*, есть Никоново новопреданіе, съ древнимъ чиносодержаніемъ не согласующее».

Ред.

ловѣ [1]). Семенъ Семеновъ сказалъ: Кому же вѣрить, — тебѣ или Уставу? Уставъ повелѣваетъ имѣть откровенную главу, а по твоему надо снять клобукъ, скуфейку же оставить на головѣ. Вѣдь это не будетъ откровенная глава? Значитъ, оставлять скуфейку на головѣ противно Уставу. Иларіонъ Егоровичъ, какъ человѣкъ впечатлительный, видя, что противъ него возражаютъ такими основательными доказательствами отъ старопечатныхъ Уставовъ, изъ Большаго Потребника, совсѣмъ растерялся, и, проговоривъ нѣсколько словъ, заплакалъ. Семенъ Семеновъ на это насмѣшливо замѣтилъ: Иларіонъ Егорычъ! Москва слезамъ не вѣритъ! Когда мы возвратились съ этого собранія, такъ непріятно окончившагося для Иларіона, онъ былъ крайне мраченъ, ходилъ долго по комнатѣ и вздыхалъ. Я старался его успокоить, сколько возможно. Потомъ онъ сѣлъ на лежанку, долго о чемъ то думалъ, и вдругъ проговорилъ, обращаясь къ намъ: Гдѣ же ключи-то? Гдѣ же ключи, которые Спаситель нашъ далъ возлюбленнымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ? Не знаю, какъ вы думаете; а я слишкомъ сомнѣваюсь, чтобы Антоній владѣлъ этими ключами! [2]) Не лучше ли намъ отдѣлиться отъ него? Иначе съ нимъ и его единомышленниками совсѣмъ пропадешь. Онъ хотя и принялъ архіерейство, да духъ въ немъ прежній, безпоповскій; въ немъ нѣтъ благодати! И часто потомъ Иларіонъ повторялъ эти слова.

25-го Іюня намъ объявили, что будетъ соборъ въ домѣ Самыкова. Къ этому собору былъ приготовленъ актъ

[1]) И въ самомъ сочиненіи Иларіонъ упоминаетъ о существованіи такого обычая у грековъ: «а еще чудеснѣе, яко и во Аоонстѣй горѣ *(по повѣствованію самобывшихъ тамо)* донынѣ еще слѣды сицеваго главооткровенія зрятся». *Ред.*

[2]) Антоній, какъ извѣстно, подписалъ изданное Кирилломъ первое уничтоженіе Окружнаго Посланія и самъ очень желалъ его уничтоженія. Семенъ Семеновъ дѣйствовалъ въ духѣ Антонія. Этимъ и объясняется, почему Иларіонъ такъ сильно возмущался именно противъ Антонія. *Ред.*

объ уничтоженіи Окружнаго Посланія. Зная объ этомъ, Иларіонъ Егорычъ не пожелалъ лично присутствовать на собраніи, а написалъ къ епископу Онуфрію письмо, въ которомъ просилъ его, чтобы удержалъ свою руку отъ подписи такого позорнаго акта. Еще другое письмо написалъ онъ къ Солдатенкову. Доставить письмо къ Онуфрію онъ поручилъ мнѣ, и отпуская меня въ собраніе сказалъ: Иди, Василій Егорычъ, подвизайся, сколько можешь, противъ враговъ, хотящихъ побороть держащихся истины! Будь свидѣтелемъ всему, что будетъ твориться на соборѣ. А относительно письма сказалъ, чтобы я собственноручно передалъ его Онуфрію. Съ письмомъ же къ Солдатенкову онъ послалъ Куренкова.

Я отправился въ домъ Самыкова, гдѣ назначено было собраніе. Епископъ Онуфрій былъ уже тамъ, и я передалъ ему письмо. Онъ, прочитавши письмо, незамѣтно для другихъ передалъ Пафнутію Казанскому; а мнѣ сказалъ, чтобы я находился возлѣ него. По открытіи засѣданія поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи Окружнаго Посланія. Епископы Онуфрій и Пафнутій заявили, что не согласны уничтожить его, и не могутъ осуждать того, что̀ не признаютъ погрѣшительнымъ. Іеродіаконъ Викентій, занимавшій мѣсто Константина епископа Оренбургскаго, въ это время ходилъ по срединѣ собранія и возглашалъ: Надо уничтожить Окружное Посланіе! непремѣнно уничтожить! оно всѣмъ, повсюду живущимъ христіанамъ принесло только раздоры и несогласія! Къ этому времени пришелъ въ собраніе товарищъ мой М. И. Куренковъ, и сѣлъ рядомъ со мною. Упомянутый Викентій, бывшій на этомъ собраніи самымъ ревностнымъ противникомъ Окружнаго Посланія, началъ побуждать Онуфрія къ подпискѣ акта объ уничтоженіи, положилъ его предъ Онуфріемъ и подалъ ему перо. Онуфрій отодвинулъ бумагу, не желая подписывать. Тогда Семенъ Семеновъ всталъ съ своего мѣста и началъ говорить: Владыко святый, что-же вы не подписываете? Соборъ весь желаетъ уничъ-

тожить Окружное Посланіе; поэтому и вамъ не слѣдуетъ сопротивляться. Пафнутій Казанскій началъ что-то говорить въ защиту Окружнаго, но какъ онъ не словесенъ, то скоро замолчалъ; а Семенъ Семеновъ все настаивалъ, чтобы Онуфрій подписалъ уничтоженіе. Тутъ за Окружное Посланіе вступился Куренковъ. Онъ спросилъ Семена Семенова: Скажи мнѣ, — 10-ть тетрадей, поименованныя въ Окружномъ Посланіи, законно ли признаны вредными церкви Христовой, или незаконно? Также и то, что въ Посланіи четверокопечный крестъ признанъ за истинный крестъ Христовъ и имя *Іисусъ* за истинное имя Спасителя нашего, находишь ли ты законнымъ? Семенъ Семеновъ отвѣтилъ: Я въ Окружномъ Посланіи ничего противнаго духу христіанскому не нахожу; но черезъ него многіе соблазняются и учиняютъ раздоръ между собою поэтому для успокоенія немощныхъ братій нашихъ и для предупрежденія еще большихъ раздоровъ, необходимо его уничтожить. Куренковъ продолжалъ: Если въ Окружномъ Посланіи ничего вреднаго нѣтъ, то развѣ пастыри церкви не имѣютъ права писать такія Посланія къ своимъ пасомымъ, если найдутъ это необходимымъ для спасенія душъ ихъ? Семенъ Семеновъ отвѣтилъ: Я этого ничего не отвергаю; какъ прежде бывшіе соборы и учители церкви писали посланія, такъ и нынѣшніе могутъ ихъ писать; но дѣло въ томъ, что многіе изъ нашей братіи не поняли сущности изложеннаго въ Окружномъ Посланіи и по немощи своей сдѣлали раздоръ, отступаютъ отъ единенія съ церковью. Вотъ почему необходимо уничтожить Посланіе и яко не бывшее вмѣнить. Куренковъ возразилъ: Вы хотите и убѣждаете собравшихся здѣсь епископовъ уничтожить Окружное Посланіе и яко не бывшее вмѣнить; но ручаетесь ли вы, что это успокоитъ немощныхъ и послужитъ для блага церкви Христовой? Семенъ Семеновъ отвѣтилъ: Писано есть: малое согрѣшеніе препебрегаемъ, гдѣ большее спасеніе пріобрѣтаемъ; такъ и Окружное По-

сланіе необходимо уничтожить для спасенія многихъ, ибо многіе этого желаютъ. Куренковъ продолжалъ возражать: Если эти немощные, т. е. невѣжды, пожелаютъ уничтожить что нибудь еще поважнѣе, чѣмъ Окружное Посланіе, напр. что нибудь изъ постановленій апостольскихъ, потому, что они по своему невѣжеству не разумѣютъ сущности и апостольскихъ реченій, значитъ для ихъ успокоенія, нужно будетъ уничтожить писанія апостольскія, какъ теперь хотите уничтожить Окружное Посланіе? Семенъ Семеновъ не нашелся, что отвѣтить; а Куренковъ продолжалъ: Вы, почтеннѣйшій Семенъ Семенычъ, соглашаетесь уничтожить Окружное Посланіе, которое соборъ боголюбивыхъ епископовъ издалъ для вразумленія невѣждъ; найдите въ исторіи христіанской церкви хоть одинъ примѣръ, гдѣ бы ради поблажки невѣждамъ уничтожались пастырскія посланія, написанныя для ихъ вразумленія. Напротивъ мы знаемъ, что соборы предавали отлученію и анаѳемѣ непокорныхъ невѣждъ, отдѣляющихся отъ единенія церковнаго.

Всѣ противники Окружнаго Посланія были весьма недовольны рѣчами Куренкова. Викентій подошелъ къ нему и дерзко спросилъ: Ты кто? откуда и зачѣмъ пришелъ? Звалъ ли тебя кто нибудь на соборъ? Я сказалъ Викентію: Это Матвѣй Ивановъ Куренковъ, мой товарищъ; онъ пришелъ сюда со мной. — А ты самъ былъ ли приглашенъ на соборъ? Я отвѣтилъ, что меня прислалъ сюда Иларіонъ Егорычъ. Викентій что-то еще хотѣлъ говорить, но его прервалъ епископъ Онуфрій, замѣтивъ ему: Отецъ Викентій! вы выходите изъ границъ приличія! дѣлаете полицейскіе допросы. Эти люди — прибавилъ онъ, указывая на меня и Куренкова, намъ хорошо извѣстны; они сотрудники и друзья Иларіона Егорыча. Викентій замолчалъ. Вскорѣ послѣ этого начали расходиться, не подписавъ акта объ уничтоженіи Окружнаго Посланія. Пафнутій Казанскій, прощаясь съ Куренковымъ, благодарилъ его за мужественную защиту Окружнаго Посланія.

Когда мы возвратились на квартиру, и разсказали Иларіону Егорычу все видѣнное и слышанное на соборѣ, особенно, какъ Семенъ Семеновъ вооружался противъ Окружнаго Посланія и какъ съ нимъ спорилъ Куренковъ, то Иларіонъ съ большимъ чувствомъ благодарилъ насъ, а особенно Куренкова; Семена же Семенова съ той поры возненавидѣлъ и сталъ звать не иначе, какъ врагомъ. Когда бывало въ разговорѣ произноситъ слово «врагъ», то мы уже знали, что это онъ говоритъ про Семена Семенова.

IV.

Бесѣды съ Иларіономъ Егорычемъ въ Москвѣ. — Поѣздка въ Троицкую лавру; полученныя тамъ впечатлѣнія. — Посѣщеніе Геосиманскаго скита: бесѣда съ схимонахомъ Израилемъ.

Вскорѣ послѣ описаннаго собранія Иларіонъ Егорычъ какъ то сказалъ намъ: Пойдемте, друзья, походимъ по Москвѣ, зайдемъ въ Кремлевскіе соборы, помолимся Богу и угодникамъ Его московскимъ чудотворцамъ. Мы отправились. Противъ каждой церкви онъ снималъ шапку и крестился; тоже заставлялъ дѣлать и насъ; а при встрѣчѣ съ православнымъ священникомъ почтительно кланялся, говоря громко: здравствуйте батюшка! Въ Успенскій соборъ онъ обыкновенно входилъ черезъ сѣверныя двери, и прежде всего молился предъ мѣстнымъ древнимъ образомъ Спасителя, изображеннаго съ именословно сложенными перстами благословящей руки. Потомъ обыкновенно обходилъ соборъ и усердно молился предъ мощами святителей Петра, Іоны и Филиппа. А когда мы зашли съ нимъ въ патріаршую ризницу, онъ показывалъ на старинномъ саккосѣ (м. Фотія) изображенія святителей съ именословно сложенными перстами и написанный вокругъ саккоса погречески символъ вѣры безъ прибавленія въ 8 членѣ слова «истиннаго». При этомъ Иларіонъ Егоровичъ спросилъ меня: Если бы тебя, Васи-

лій Егорычъ, заставили такъ читать въ символѣ вѣры, какъ здѣсь написано, безъ прибавленія «истиннаго», ты сталъ ли бы читать? Я отвѣтилъ: непремѣнно сталъ бы. На это онъ замѣтилъ въ шутку, качая головой: Ахъ, какой ты безстрашный! Ну, если Антоній узнаетъ: что тебѣ тогда будетъ? Потомъ онъ спросилъ: Скажи теперь, гдѣ обрѣтается благодать Св. Духа: у нашего ли Антонія, или здѣсь, у митрополита Филарета? Я отвѣтилъ: не знаю. — Ну такъ надобно знать, — сказалъ онъ: у нашего Антонія благодати нѣтъ. Я на это сказалъ ему: Если у нашего Антонія благодати нѣтъ, то стало быть и вѣра наша безблагодатная; зачѣмъ же мы имѣемъ такую вѣру, въ которой нѣтъ благодати? Безъ благодати нѣтъ спасенія, и, стало быть, мы погибаемъ. — Ты еще молодъ, много хочешь знать! — отвѣтилъ мнѣ на это Иларіонъ Егорычъ.

Потомъ однажды онъ говоритъ мнѣ: Скоро 5-е Іюля, — праздникъ преподобнаго Сергія; если хочешь, отправимся въ Лавру: тамъ много найдемъ достопримѣчательнаго. Только было бы хорошо, если бъ тамъ нашелся хоть одинъ человѣкъ знакомый, который могъ бы насъ порекомендовать, чтобы доступнѣе было осмотрѣть и святыню, и ризницу и библіотеку. Я сказалъ, что у меня тамъ есть знакомый старообрядецъ, нѣкто Памфилъ, а у него есть въ лаврѣ знакомые, черезъ которыхъ можно найти доступъ во всѣ мѣста. 3-го Іюля мы прибыли въ Сергіевскій Посадъ, нашли Памфила, и онъ повелъ насъ въ лавру, прямо въ соборъ, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Сергія: здѣсь мы помолились и поклонились св. мощамъ; здѣсь же нашъ руководитель встрѣтилъ знакомаго монаха и попросилъ, чтобы намъ показали ризницу и библіотеку. Это сдѣлали для насъ охотно. Въ библіотекѣ Иларіонъ Егорычъ долго разсматривалъ древнія рукописи на пергаментѣ и на бумагѣ. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на старинные рукописные акафисты: Іоанну Предтечѣ и Архистратигу Михаилу. Вотъ смотри, Ва-

силій Егорычъ, — сказалъ онъ, — древлеписьменные акафисты; а наши старообрядцы думаютъ, что, кромѣ акафиста Божіей Матери другихъ вовсе нѣтъ. Находилъ онъ также написанное въ пергаментныхъ рукописяхъ имя *Іисусъ*.

5-го Іюля, въ день праздника преп. Сергія, мы хотѣли пройти въ соборъ, гдѣ совершалъ богослуженіе митрополитъ Филаретъ; но такое было множество народа, что не было никакой возможности войти. Послѣ обѣдни мы издали смотрѣли, какъ митрополитъ выходилъ изъ храма и благословлялъ народъ. Усердный народъ стоялъ громадной толпой на пути, ожидая его благословенія, такъ что для того, чтобы дать ему возможность пройти въ настоятельскія кельи, было приставлено много полицейскихъ. Видя любовь и благоговѣніе народа къ архипастырю, Иларіонъ Егорычъ спросилъ меня: Скажи, Василій Егорычъ, если бы теперь же шелъ здѣсь нашъ архіепископъ Антоній и благословлялъ народъ, къ кому ты пошелъ бы подъ благословеніе, — къ Филарету, или къ нашему Антонію? Я отвѣтилъ, что предпочелъ бы принять благословеніе отъ митрополита Филарета. Иларіонъ Егорычъ какъ будто не повѣрилъ мнѣ, и спросилъ: правда ли? Я увѣрилъ его, что говорю чистосердечно. Тогда онъ сказалъ: Удивляюсь тебѣ, Василій Егорычъ! Какой ты былъ прежде усердный ревнитель нашей старой вѣры, а теперь готовъ принять съ охотою благословеніе отъ еретиковъ, которыхъ въ нашу вѣру принимаютъ вторымъ чиномъ, а владыка Антоній готовъ бы и перекрещивать, какъ бы волю имѣлъ! Произнеся эти слова, онъ тяжело вздохнулъ и задумался.

На слѣдующій день Иларіонъ Егорычъ говоритъ мнѣ: Пойдемъ Василій Егорычъ, въ скитъ; тамъ есть одинъ старецъ, человѣкъ разсудительный, съ которымъ можно побесѣдовать. Онъ прежде былъ старообрядцемъ, а потомъ перешелъ въ Великороссійскую церковь; теперь онъ схимонахъ; звать его, кажется, о. Израиль. Я охотно

согласился идти. Приняты мы были этимъ старцемъ очень ласково, потому что онъ хотя и не былъ съ нами знакомъ, но слышалъ объ Иларіонѣ Егорычѣ. Такъ какъ о. Израиль бывалъ въ Стародубскихъ слободахъ и хорошо зналъ эту мѣстность, то распрашивалъ Иларіона Егорыча о монастыряхъ и другихъ знакомыхъ ему мѣстахъ. Потомъ спросилъ, какъ ему понравилась служба Высокопреосвященнаго Филарета въ лаврѣ. Иларіонъ отвѣтилъ, что не былъ за службой по причинѣ многолюдства, но видѣлъ, какъ митрополитъ шелъ въ келью и благословлялъ, — и что это ему очень понравилось. Мнѣ не удалось въ этотъ праздникъ, по моей немощи, получить благословеніе Владыки, — замѣтилъ о. Израиль. И потомъ разсказалъ намъ одинъ случай объ этомъ великомъ святителѣ. Разъ какъ то, — началъ онъ, — служилъ Владыка — митрополитъ у насъ въ скиту; стеченіе народа было большое. По окончаніи литургіи, когда онъ шелъ изъ храма, къ нему, по обыкновенію, народъ устремился подъ благословеніе; была страшная давка и толкотня, такъ какъ каждый спѣшилъ удостоиться принять благословеніе отъ святителя. Я въ это время стоялъ позади другихъ, не имѣя возможности при моей немощи протѣсниться сквозь толпу, и былъ въ великомъ прискорбіи, что не удастся получить благословенія отъ Владыки. И вотъ, когда онъ подходилъ уже къ настоятельскимъ комнатамъ, останавливается и велитъ одному изъ сопровождавшихъ его діаконовъ позвать меня. Діаконъ сталъ осматривать народъ, и замѣтивъ гдѣ я стою, протѣснился ко мнѣ чрезъ народъ и говоритъ: идите, отецъ Израиль, Владыка зоветъ васъ къ себѣ! и повелъ меня. Меня охватили и радость и страхъ: съ благоговѣніемъ подошелъ я къ святителю, принялъ отъ него благословеніе, и съ великою радостію отправился въ свою келью. Долго думалъ я потомъ: какъ могъ онъ узнать о моемъ пламенномъ желаніи получить его благословеніе? кто могъ ему сказать объ этомъ? И рѣшилъ я въ сердцѣ своемъ, что онъ

угодникъ Божій, сердцевѣдецъ, узнастъ желанія и помышленія человѣческія. Такъ то любезный Иларіонъ Егорычъ, — сказалъ онъ въ заключеніе, — совѣтую тебѣ слѣдовать за этимъ богоугоднымъ пастыремъ, оставить расколъ и своихъ лжеепископовъ. Я слышалъ, что ты человѣкъ начитанный, разумный: слѣдуетъ тебѣ позаботиться о спасеніи своей души; да и другимъ черезъ это будетъ польза, такъ какъ примѣръ твой на многихъ подѣйствуетъ благотворно. Этотъ разсказъ произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе; но Иларіонъ, къ моему удивленію, остался имъ недоволенъ. Такъ то такъ, отецъ, — сказалъ онъ, — да зачѣмъ ваши пастыри нанесли проклятіе на двуперстіе? Тутъ сложилъ онъ два перста и поднявши руку вверхъ, произнесъ съ запальчивостью: такъ молились московскіе святители и чудотворцы и всѣ россійскіе угодники Божіи; а ваши новые пастыри проклинаютъ это сложеніе и называютъ его аріанствомъ и несторіанствомъ! Какое же это аріанство — молиться двумя перстами по примѣру московскихъ святителей! Онъ говорилъ это въ сильномъ раздраженіи, такъ что мнѣ стало за него совѣстно. Отецъ же Израиль, покачавъ головой, сказалъ: Ахъ, другъ мой, Иларіонъ Егорычъ! къ какой мелочи ты придираешься! изъ-за чего лишаешь себя живота вѣчнаго! Я думалъ о тебѣ иначе; думалъ, что ты смотришь на обрядовыя разности болѣе разсудительно...

Въ лаврѣ мы опять ходили осматривать ризницу и разныя достопримѣчательности. Потомъ вошли и въ церковь, гдѣ въ это время была служба. Я со вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ монастырское пѣніе; особенно когда пѣвчіе вышли съ обѣихъ клиросовъ на средину и пѣлъ задостойникъ, я не могъ скрыть своего удовольствія. Но Иларіонъ пожалъ плечами и сказалъ: опущено, опущено! надо было сотворить поклонъ по окончаніи пѣнія, а они разошлись по клиросамъ не положивши поклона! На меня эта придирчивость Иларіона произвела непріятное впечатлѣніе, и я мысленно укорилъ его за это.

V.

Какъ происходило избраніе Антонія въ московскіе архіепископы.— Разговоръ съ протодіакономъ Кирилломъ Семеновымъ.— Возведеніе Антонія на московскую архіепископію. — Наши бесѣды по сему случаю. — Случай съ Иларіономъ, назвавшимся чужимъ именемъ.— Еще случай его лукавства. — Мой отъѣздъ изъ Москвы и разговоръ съ Иларіономъ предъ отъѣздомъ.

Возвратившись изъ Лавры въ Москву, мы узнали, что на 11-е Іюля назначенъ соборъ для избранія архіепископа на московскую каѳедру. Къ этому времени въ Москву собрались епископы: Саратовскій Аѳанасій, Іовъ Кавказскій и др.— всѣхъ было 8 епископовъ. Наканунѣ собора мы отправились къ Ивану Захарочу, и нашли здѣсь Викентія, занимавшаго на соборѣ мѣсто епископа Оренбургскаго Константина. Иларіонъ спросилъ у него, кого хотятъ избрать на московскую каѳедру. Викентій отвѣчалъ, что весь народъ желаетъ избрать Аѳанасія Саратовскаго, а Антонія не желаетъ. — Да какъ Аѳанасія избрать-то? — продолжалъ Викентій, — вѣдь онъ извѣстенъ за человѣка распутнаго, о чемъ многіе свидѣтельствуютъ! — Дѣло это ваше,— сказалъ Иларіонъ, — а не народа; кого хотите, того избирайте. Самъ Иларіонъ Егорычъ не рѣшился идти на соборъ, а только послалъ со мною письмо, въ которомъ предлагалъ разные вопросы на соборное разсмотрѣніе: иди, Василій Егорычъ,— сказалъ онъ,— и оставайся тамъ все время, пока будутъ читать это письмо и разсуждать о поставленныхъ здѣсь вопросахъ. Я отправился съ письмомъ. На пути мнѣ встрѣтилась толпа московскихъ старообрядцевъ и между ними знакомый мнѣ Давыдъ Антиповъ, руководитель всей этой толпы. На мой вопросъ, откуда они идутъ, Давыдъ Антиповъ отвѣтилъ, что были на соборѣ, подавали прошеніе и общественный приговоръ о избраніи на московскую каѳедру Саратовскаго епископа Аѳанасія. Соборъ нашего прошенія не принялъ во вниманіе, — прибавилъ онъ; — Антоній же прямо сказалъ: не ваше мірское дѣло выбирать епископовъ! для этого

есть духовныя власти. Я поскорѣе распростился съ Давыдомъ и пошелъ дальше, но встрѣтился еще съ большею толпою гусляковъ, предводимыхъ также знакомымъ мнѣ Ѳомою Крючковымъ. Крючковъ, размахивая руками, съ жаромъ о чемъ-то разсуждалъ съ гусляками. Встрѣтившись со мною, онъ тоже сталъ говорить: Вотъ, Василій Егорычъ, наши пастыри-то какіе! Владыка Антоній и вниманія не обратилъ на наше прошеніе и общественный приговоръ о не желаніи имѣть его своимъ архипастыремъ; даже предалъ насъ проклятію! Да мы его проклятія не боимся, ибо писано есть: неправедная клятва падаетъ на главу клянущаго. Онъ насъ проклиналъ понапрасну. Мы дѣйствовали по убѣжденію совѣсти, требуя, чтобы избранъ былъ уважаемый всѣми Аѳанасій Саратовскій.

Приближаясь къ дому, гдѣ было собраніе, я встрѣтилъ еще выходившаго оттуда Антоніева протодіакона Кирилла Семеныча, который былъ въ сильномъ волненіи, блѣдный и едва передвигалъ ногами. Я спросилъ, чѣмъ онъ такъ разстроенъ. Былъ на соборѣ, — отвѣчалъ онъ,— но мнѣ сдѣлалось дурно, вотъ и ушелъ оттуда. Я съ своей стороны выразилъ сожалѣніе, что не поспѣлъ къ началу собора, когда подавались прошенія объ Аѳанасіи. Онъ отвѣтилъ: и счастливъ, что опоздалъ; пройдемся немного, я разскажу, что тамъ было. По его словамъ, когда всѣ епископы собрались, то является толпа московскихъ старообрядцевъ подъ предводительствомъ Давыда Антипова, а вслѣдъ за нею другая, гусляки съ Ѳомою Ѳедоровымъ Крючковымъ. Тѣ и другіе подали въ соборъ прошеніе, чтобы на московскую каѳедру избранъ былъ Аѳанасій. Но не смотря на ихъ прошеніе, соборъ, послѣ недолгихъ разсужденій, избралъ Антонія, о чемъ и объявилъ всѣмъ присутствующимъ. Тогда въ народѣ поднялся ропотъ и шумъ; нѣкоторые, подъ предводительствомъ Крючкова, смѣло вошли въ самую комнату, гдѣ засѣдалъ соборъ, и начали кричать: не желаемъ, не желаемъ имѣть Антонія своимъ архіепископомъ! мы хо-

тимъ, чтобы былъ избранъ Аѳанасій Саратовскій! Тутъ Антоній сказалъ своему письмоводителю, Ѳедору Иванову, чтобы нашелъ правила объ избраніи епископовъ. Тотъ сейчасъ-же отыскалъ 30-е правило святыхъ Апостолъ и прочиталъ во всеуслышаніе: «аще кій епископъ мірскихъ людей помощію пріиметъ церковь, да извержется и отлучится». Послѣ этого Антоній сказалъ: вотъ, совершенно тово, избраніе-то ваше не годится, незаконное! Крючковъ и другіе возражали ему съ запальчивостью и прямо объявили: тебя, владыко, мы не желаемъ имѣть своимъ архіепископомъ! Антоній отвѣтилъ: вы меня оскорбляете своими поступками и за это подлежите проклятію. Онъ тутъ же велѣлъ письмоводителю прочитать правило изъ большаго Потребника: «аще кто укоритъ священника въ лице негдѣ и неправду, анаѳема да будетъ и съ Іудою предателемъ осудится». Народъ еще болѣе озлобился и кричалъ: не надо намъ, не надо тебя! не хотимъ имѣть тебя своимъ архіепископомъ! Антоній же въ отвѣтъ посылалъ имъ только проклятія. Такому упорству Антонія,— продолжалъ Кириллъ Семенычъ, — я сильно изумился и всѣмъ этимъ такъ разстроился, что со мной сдѣлалось дурно, и вотъ я вышелъ, чтобы освѣжиться. Я никакъ не могъ ожидать, — продолжалъ онъ, — чтобы Антоній рѣшился такъ поступать съ народомъ, который не желаетъ его имѣть своимъ пастыремъ; ему слѣдовало бы прямо сказать совѣту: если народъ не желаетъ меня избрать, то избирайте другаго.

Простившись съ протодіакономъ, я пошелъ въ соборъ. Въ дверяхъ меня остановилъ сторожъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я отвѣтилъ, что иду съ пакетомъ отъ Ларіона Егорыча. Тогда онъ отправился доложить обо мнѣ. Вскорѣ изъ собранія вышелъ іеродіаконъ Викентій, взялъ отъ меня пакетъ и удалился, но не затворилъ дверей, такъ что я могъ видѣть и слышать все происходившее внутри комнаты. Викентій подалъ мой пакетъ Антонію, а этотъ отдалъ его для про-

чтенія письмоводителю. Когда прочитали, Антоній сказалъ: я, совершенно тово, не согласенъ давать отвѣтъ Иларіону Егорову, потому что не считаю его за христіянина; онъ, совершенно тово, не имѣетъ духовнаго отца! Викентій возразилъ: по Апостолу, мы должны отвѣчать всякому вопрошающему. Іовъ Кавказскій поддерживалъ Антонія и невыгодно отозвался объ Иларіонѣ: Иларіонъ Егоровъ, — сказалъ онъ, — своимъ Окружнымъ Посланіемъ смутилъ весь міръ. На это ему отвѣтилъ попъ Петръ Ѳедоровъ, который занималъ въ это время мѣсто епископа Онуфрія, не бывшаго на соборѣ по болѣзни: не Иларіонъ Егорычъ смутилъ, а вы крипотолки смутили всѣхъ! Между тѣмъ Антоній замѣтилъ меня и далъ знакъ, чтобы я вошелъ. Когда я принялъ у него благословеніе, онъ ласково сталъ меня распрашивать, не знаю ли чего новаго,— примѣтно было что ему хотѣлось загладить свой нехорошій отзывъ объ Иларіонѣ Егорычѣ. Я отвѣтилъ, что ничего новаго не знаю и съ своей стороны спросилъ, что новаго у нихъ на соборѣ. Онъ отвѣтилъ: у насъ, совершенно тово, новое вотъ что: меня избрали архіепископомъ въ Москву! Я поздравилъ его тихо, въ полголоса. Тогда онъ сказалъ: поди къ Иларіону Егорычу и скажи, что письмо его мы разберемъ.

Возвратившись, я все разсказалъ Иларіону. Его особенно заинтересовалъ мой разговоръ съ протодіакономъ Кирилломъ Семеновымъ, такъ что онъ пожелалъ даже лично распросить его обо всемъ и пригласилъ меня сходить съ нимъ вмѣстѣ на квартиру къ Кириллу Семенычу. Мы нашли его больнаго, въ постели. Иларіонъ попросилъ его разсказать, какъ Антонія избрали въ архіепископы на Москву,— и онъ повторилъ тоже, что передавалъ мнѣ. Разсказъ свой онъ кончилъ со слезами и проговорилъ: вотъ, другъ Иларіонъ Егорычъ, каковы наши владыки-то! черезъ нихъ я сдѣлался болѣнъ! Иларіонъ Егорычъ также прослезился и сказалъ: да, страшно жить съ такими пастырями! Когда мы уходили, Кириллъ Семенычъ ска-

залъ намъ, что 13 го числа будутъ соборне поставлять Антонія въ архіепископы, и пригласилъ насъ придти на это торжество въ домъ Бутикова.

13-го Іюля мы съ Иларіономъ Егорычемъ отправились на торжество возведенія Антонія на ерхіепископскую каѳедру и были свидѣтелями, какъ онъ, принимая отъ Онуфрія жезлъ, клялся быть вѣрнымъ хранителемъ и блюстителемъ отеческихъ установъ и произносилъ обѣщаніе неотступно служить въ соборномъ храмѣ Успенія Пресвитыя Богородицы при гробахъ московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ. При этихъ словахъ его Иларіонъ Егорычъ сильно подернулъ плечами; я стоялъ немного позади его, рядомъ съ однимъ моимъ знакомымъ, котораго и спросилъ: отчего это Иларіонъ Егорычъ вздрогнулъ такъ сильно? Тотъ отвѣтилъ, что Иларіонъ Егорычъ, вѣроятно, удивляется обѣщанію Антонія быть настоятелемъ въ соборной церкви Успенія и неотступно служить при гробахъ московскихъ чудотворцевъ, гдѣ настоятелемъ и первоспятителемъ состоитъ митрополитъ Филаретъ.

По окончаніи торжества Иларіонъ Егорычъ спросилъ меня, какое я вынесъ впечатлѣніе. Я не скрывалъ своихъ чувствъ и прямо сказалъ, что съ этихъ поръ Антонія больше не признаю за своего архіерея и старообрядцемъ не буду. Иларіонъ Егорычъ сталъ говорить тоже, что и прежде: отдѣлимся отъ Антонія и будемъ просить въ наши мѣстности, въ Калужскую и Черниговскую губерніи, Пафнутія Казанскаго. Я опять возразилъ, что и Антоній, и Пафнутій произошли отъ одного корня, что нужно совсѣмъ отдѣлиться отъ нихъ и оставить старообрядчество. Иларіонъ Егорычъ, видя, что я говорю съ твердой рѣшимостью, не сталъ возражать. Потомъ какъ то еще зашелъ у насъ разговоръ объ раскольническихъ епископахъ и я спросилъ Иларіона: почему Антонія считаетъ онъ безблагодатнымъ и готовъ отдѣлиться отъ него, а Пафнутія Казанскаго желалъ бы имѣть своимъ епископомъ, — какое различіе находитъ онъ между этими двумя епископами?

Иларіонъ отвѣтилъ: между Антоніемъ и Пафнутіемъ большая разница, — Пафнутій человѣкъ умный и правомыслящій. При этомъ онъ усмѣхнулся. Я замѣтилъ ему: ты, Иларіонъ Егорычъ, шутишь со мною; такъ избирай себѣ кого хочешь въ епископы, Антонія или Пафнутія: это твое дѣло; а я желаю быть сыномъ св. соборной и апостольской церкви. Видя, съ какою рѣшительностью я говорю, онъ уже серьозно отвѣтилъ мнѣ: если ты удерживать не буду; только обожди немного: а то все дѣло мое испортишь. Я сказалъ: узнавши святую сожизнь. А дѣла свои ты можетъ еще долго не подѣлаешь! рѣшился перейти въ Великороссійскую церковь, я тебя борную церковь Христову, я долженъ спѣшить сдѣлаться ея сыномъ, такъ какъ никто мнѣ не поручится за мою Иларіонъ Егорычъ на это ничего не возразилъ мнѣ, а только проговорилъ недовольнымъ голосомъ: какъ знаешь, такъ и дѣлай!

Около этого времени къ намъ пришелъ на квартиру старообрядецъ Медвѣдевъ и сталъ приглашать Иларіона Егорыча на собраніе бѣглопоповцевъ, назначенное въ Рогожской, въ домѣ Скворцова. Иларіонъ Егорычъ согласился, но съ условіемъ, чтобы не называть его настоящимъ именемъ, а просто: «Иванъ Иванычъ». Медвѣдевъ далъ обѣщаніе. Когда мы пришли, народу было уже много. Главное мѣсто занималъ пріѣхавшій въ Москву изъ Тульчи нѣкто Иванъ Петровъ, извѣстный за начетчика. Онъ читалъ изъ большаго Соборника слово Ипполита, папы Римскаго. Прочитавъ то мѣсто, гдѣ говорится: «во дни оны тѣло и кровь Христовы не имутъ явится», онъ сталъ объяснять эти слова, согласно своему пониманію, — говорилъ, что теперь время антихристово и тому подобныя нелѣпости. Иларіонъ Егорычъ, назвавшійся Иваномъ Ивановымъ, подошелъ къ нему и просилъ прочитать дальше, гдѣ говорится о пророкахъ Ілін и Енохѣ, какъ они будутъ убіены отъ антихриста, и объяснить, — сбылось ли написанное объ этихъ пророкахъ, приняли ли они мучени-

ческую кончину отъ антихриста, если антихристъ уже явился». Иванъ Петровъ, видя, что ему будетъ трудно отвѣтить на такой вопросъ, началъ говорить совершенно о другомъ; Иларіонъ же Егорычъ настаивалъ на своемъ,— требовалъ, чтобы Иванъ Петровъ отвѣтилъ на вопросъ объ Иліи и Енохѣ и ихъ кончинѣ. Въ это время кто то изъ присутствовавшихъ, знавшій Иларіона Егорыча, сказалъ: что ты, Иларіонъ Егорычъ, принуждаешь его читать одно и тоже? пусть его прочтетъ что-нибудь другое! а о пророкахъ мы уже слышали. Какъ только было произнесено имя Иларіона Егорыча, вскочилъ съ своего мѣста бывшій здѣсь богатый раскольникъ Третьяковъ и гнѣвно спросилъ: не тотъ ли это, что пріѣхалъ изъ Стародубскихъ слободъ и своими сочиненіями смущаетъ народъ? Ему отвѣчали, что тотъ самый, который написалъ Окружное Посланіе. Тутъ поднялся шумъ; всѣ встали съ своихъ мѣстъ и напали на Иларіона Егорыча съ ругательствами и угрозами: ты шпіонъ! ты тать! не дверьми пришелъ къ намъ овцамъ! Кто тебя сюда приглашалъ? Какъ ты осмѣлился взойти подъ чужимъ именемъ въ наше собраніе? и т. п. Я стоялъ въ большомъ испугѣ; Иларіонъ же Егорычъ поблѣднѣлъ и сталъ кланяться, прося прощенія;—онъ говорилъ, что не самъ отъ себя пришелъ, а позванъ сюда другими. Тутъ Медвѣдевъ сталъ защищать его и объявилъ, что онъ виновникъ всему, такъ какъ пригласилъ въ собраніе Иларіона Егорыча. Третьяковъ же злобно возразилъ: мы за то его винимъ, зачѣмъ онъ подъ чужимъ именемъ сюда явился. Съ большимъ стыдомъ мы должны были удалиться изъ собранія.

Во время нашего пребыванія въ Москвѣ былъ также слѣдующій случай. Однажды робко взошелъ въ нашу квартиру пріѣзжій изъ калужской епархіи священникъ и спрашиваетъ: кто здѣсь Иларіонъ Егорычъ? Иларіонъ подалъ мнѣ рукою знакъ, чтобы я молчалъ, и спрашиваетъ священника: кто вы? откуда? для чего вамъ нуженъ Иларіонъ Егорычъ? Теперь его нѣтъ, прибавилъ онъ,

но мы его товарищи и можемъ ему все передать, когда онъ возвратится. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній пришедшій объяснилъ, что желалъ бы перейти въ старообрядчество и поступить подъ вѣдѣніе Антонія: я затѣмъ и хотѣлъ повидаться съ Иларіономъ Егорычемъ, чтобы посовѣтываться объ этомъ дѣлѣ. Иларіонъ велѣлъ ему идти къ попу Петру, отъ котораго, — говорилъ, — онъ узнаетъ, какъ увидѣть Антонія. А самъ уклонился отъ всякихъ съ нимъ объясненій. Когда я спросилъ его потомъ, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, Иларіонъ отвѣтилъ: Что же я сталъ бы говорить? Если бы прямо сказалъ, чтобы не ходилъ къ Антонію, объ этомъ узналъ бы Антоній и мнѣ были бы непріятности; а совѣтывать ему перейти къ Антонію я не могу: этого не позволяетъ моя совѣсть.

14-го августа я рѣшилъ уѣхать изъ Москвы на родину, о чемъ и объявилъ Иларіону Егорычу. Онъ спросилъ меня, — скоро ли намѣренъ я перейдти въ Великороссійскую церковь, или еще помедлю. Я отвѣтилъ, что въ старообрядчествѣ не могу больше оставаться и отнынѣ рѣшилъ уже быть сыномъ православной церкви. Онъ спросилъ еще: какъ же ты будешь креститься: двумя или тремя перстами? Я отвѣтилъ, что буду креститься такъ, какъ повелѣваетъ и учитъ вселенская церковь, т. е. тремя перстами, и сказавъ это, сложилъ по православному три перста и хотѣлъ перекреститься. Иларіонъ быстро схватилъ меня за руку и сказалъ: ахъ, какой ты безстрашный Когда же онъ освободилъ мою руку, я перекрестился тремя перстами. Передъ отъѣздомъ я спросилъ Иларіона Егорыча, долго ли онъ проживетъ въ Москвѣ, и выразилъ желаніе съ нимъ переписываться. Онъ отвѣтилъ: «что же мнѣ съ тобою переписываться, когда ты не хочешь меня слушать? вѣдь я просилъ тебя повременить присоединеніемъ къ Великороссійской церкви, а ты не хочешь: нечего мнѣ съ тобой имѣть переписку!

VI.

Мои сношенія съ Иларіономъ по возвращеніи на родину. — Поѣздка въ Москву для свиданія съ нимъ. — Неуспѣшныя попытки вызвать его на переписку. — Сношенія съ Иларіономъ по присоединеніи моемъ къ церкви: свиданіе въ Москвѣ. — Свиданіе и бесѣда во Фроловѣ. — Иларіонъ въ Калугѣ, на родинѣ и въ Полосѣ. — Отношенія его къ Олдею Іудичу. — Свиданіе съ женой Олдея Іудича. — Нѣсколько общихъ замѣчаній о Ксеносѣ.

По пріѣздѣ на родину во Фролово, я однакоже не нашелъ въ себѣ столько смѣлости, чтобы немедленно присоединиться къ православной церкви. Что-то меня удерживало. Чего-то опасался. И такъ какъ я все еще питалъ большее довѣріе и расположеніе къ Иларіону Егорычу, то желалъ еще съ нимъ поговорить объ этомъ дѣлѣ, узнать послѣдній разъ его мнѣніе относительно моего намѣренія. Съ этою цѣлью и послалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ рѣшеніи оставить старообрядчество и просилъ его сказать объ этомъ свое мнѣніе. Иларіонъ никакого отвѣта не прислалъ мнѣ. Огорченный этимъ, я рѣшился ѣхать въ Москву для личнаго съ нимъ свиданія и объясненія. Въ Москвѣ не мало труда мнѣ стоило отыскать Иларіона: самые близкіе его знакомые не знали, гдѣ онъ находится. Обратился къ епископу Онуфрію съ распросами: онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, гдѣ живетъ Иларіонъ, и послалъ меня къ епископу Тульчинскому Іустину: этотъ скорѣе всѣхъ можетъ его найдти. Іустинъ, дѣйствительно, зналъ, гдѣ живетъ Иларіонъ и указалъ мнѣ его квартиру. Я немедленно отправился туда и просилъ вызвать его. Иларіонъ вышелъ; но вмѣсто того, чтобы пригласить меня къ себѣ и поговорить со мной, холодно сказалъ: для переговоровъ я не имѣю времени; сейчасъ начнется у насъ всепощное бдѣніе, меня ждутъ. На вопросъ же мой, совѣтуетъ ли переходить въ православную церковь, отвѣтилъ по прежнему: погоди, да повременн!

Потомъ я услышалъ, что Иларіонъ Егорычъ уѣхалъ въ Петербургъ. И туда я послалъ ему письмо съ убѣдительной просьбою дозволить мнѣ пріѣхать для свиданія

съ нимъ. Онъ отвѣтилъ, что видѣться со мною не можетъ, потому что вскорѣ выѣзжаетъ изъ Петербурга въ Новгородъ и Псковъ, и не знаетъ, когда возвратится въ Петербургъ, совѣтовалъ не тратить понапрасну ни времени, ни средствъ для проѣзда къ нему. Послѣ этого я еще разъ писалъ ему; но никакого отвѣта не получилъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что Иларіонъ Егорычъ желаетъ прекратить со мной всякія сношенія. Эта безучастность его ко мнѣ въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія сильно огорчила меня и много охладила мое уваженіе къ Иларіону.

Въ 1865 г. 25-го Марта я присоединился къ православной церкви. Вскорѣ потомъ я услышалъ, что Иларіонъ находится въ Москвѣ. Мнѣ захотѣлось съ нимъ повидаться, — притомъ же была надобность съѣздить въ Москву. Прежде всего я зашелъ въ Чудовъ монастырь повидаться съ оо. Онуфріемъ и Филаретомъ: они жили тамъ послѣ своего присоединенія къ православной церкви. Когда я зашелъ къ нимъ, то они, видя меня первый разъ по принятіи мною православія, очень обрадовались моему приходу и распрашивали, какъ я рѣшился перейти въ церковь. Я съ своей стороны распрашивалъ ихъ о томъ же. Они отвѣчали, что ихъ собралось довольно желающихъ перейдти изъ раскола и что имъ было не особенно трудно это сдѣлать, такъ какъ они поддерживали другъ друга въ рѣшимости на такой важный шагъ. Когда потомъ я спросилъ ихъ, не знаютъ ли чего нибудь про Иларіона Егорыча, они отвѣчали, что никто не знаетъ его квартиры, и просили меня, если я узнаю о мѣстѣ его жительства, извѣстить ихъ, такъ какъ имъ желательно повидаться съ Иларіономъ. Встрѣтился я съ нимъ случайно. Мнѣ хотѣлось повидать рѣдкости въ музеѣ, въ домѣ Пашкова; была надежда, не встрѣчу ли тамъ Иларіона, такъ какъ узналъ, что онъ бываетъ въ музеѣ. Я отправился туда и сталъ разсматривать разныя вещи: вдругъ мнѣ послышался знакомый голосъ за перегородкой. Я сталъ прислушиваться, и узналъ голосъ Иларіона Егорыча. Я очень

обрадовался, и немедленно пошелъ въ ту комнату, гдѣ онъ находился. Когда окликнулъ его сзади, онъ растерялся, и потомъ на мои вопросы: какъ живетъ? какъ его дѣла? — не зналъ, что и сказать. Тутъ я сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Москву главнымъ образомъ для того, чтобы повидаться съ нимъ и поговорить кое о чемъ. Онъ прервалъ меня и тихо сказалъ: молчи; здѣсь Ипполитъ, іеродіаконъ епископа Варлаама, и съ нимъ другіе люди, при которыхъ ничего нельзя говорить! Я просилъ его, чтобы указалъ мнѣ свою квартиру, гдѣ бы я могъ съ нимъ видѣться. Онъ отвѣтилъ: мою квартиру никто не знаетъ, да и ты не найдешь. Тогда я рѣшительно объявилъ ему, что не отойду отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ своего адреса. Онъ отвѣтилъ: я самъ приду къ тебѣ на квартиру, — спросилъ мой адресъ и назначилъ время. Изъ музея я зашелъ къ о. Онуфрію съ Филаретомъ и разсказалъ имъ о встрѣчѣ съ Иларіономъ. Они изъявили желаніе тогда же придти ко мнѣ, чтобы повидаться съ Иларіономъ. Въ назначенный часъ Иларіонъ Егорычъ явился. Онъ сталъ разспрашивать меня, какъ я новоправославный поживаю, и зачѣмъ пріѣхалъ въ Москву. Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ больше для того, чтобы увидаться съ нимъ и побесѣдовать. Тогда онъ сказалъ: Что же мнѣ съ тобой бесѣдовать теперь, когда ты ушелъ изъ старообрядческой вѣры! Какъ я на тебя надѣялся,—продолжалъ онъ, — какой ты былъ вѣрный и усердный къ моему дѣлу; а теперь измѣнилъ и оставилъ меня одного! Ѳаддей Іудичъ оставилъ меня по семейнымъ обстоятельствамъ, а ты вотъ не пожелалъ благословенія принимать отъ Антонія, да и пошелъ принимать его отъ вашего Калужскаго Григорія, или отъ митрополита Филарета! Я сказалъ: принимать благословеніе отъ Антонія я не пожелалъ потому, что не признаю его за истиннаго архіерея, точно также какъ и ты признаешь его безблагодатнымъ. Онъ спросилъ: Вотъ ты теперь не старообрядецъ, а принадлежишь церкви грекороссійской; скажи мнѣ откровенно: спокоенъ ли ты

совѣстью послѣ такого большаго переворота въ твоей жизни? Зная недовѣрчивость его и привычку требовать отъ другихъ подтвержденія словъ клятвою, я не сталъ дожидаться этого требованія съ его стороны, сложилъ три перста, перекрестился въ удостовѣреніе своихъ словъ, и произнесъ: я не только не сомнѣваюсь въ правильности своего поступка, но и весьма радуюсь, что Всемогущій Богъ сподобилъ меня быть сыномъ св. своей соборной апостольской церкви, — такъ сдѣлался съ этихъ поръ спокоенъ, какъ будто вошелъ въ большой прочно устроенный корабль, на которомъ можно съ безопасностью переплыть море нашей жизни. Иларіонъ отвѣтилъ: Я увѣренъ, что ты поступалъ по убѣжденію своей совѣсти, оставляя старообрядчество; но вотъ что я желаю знать: спокойна ли твоя совѣсть относительно троеперстнаго сложенія для крестнаго знаменія? Впрочемъ, я знаю, — прибавилъ онъ, — что ты и въ этомъ не сомнѣваешься. Я опять сложилъ по православному три перста, медленно перекрестился и проговорилъ: не только не безпокоюсь о перстосложеніи, но и радуюсь, что во всемъ согласуюсь съ св. церковью, какъ въ таинствахъ, такъ и въ обрядахъ. Вскорѣ къ намъ пришли оо. Онуфрій и Филаретъ. Иларіонъ Егорычъ былъ видимо недоволенъ, что я не предупредилъ его объ этомъ посѣщеніи. Они стали говорить съ нимъ о разныхъ предметахъ, и между прочимъ спросили: почему онъ не хочетъ быть въ единомысліи съ ними? почему отсталъ отъ нихъ? Иларіонъ Егоровичъ уклонился отъ отвѣта, да и все время былъ угрюмъ и неразговорчивъ. Спдѣвшій вблизи его о. Филаретъ даже замѣтилъ ему: Что это, дружище Иларіонъ Егорычъ, ты не разговорчивъ такъ и не веселъ? вѣдь мы такъ долго не видѣлись! Потомъ пригласилъ его пройдтись съ ними: пойдемъ съ нами, о чемъ нибудь дорогой поговоримъ. Когда я прощался съ Иларіономъ Егорычемъ, то онъ мнѣ сказалъ: теперь прощай; а въ скоромъ времени я пріѣду на твою родину; тамъ переговоримъ обо всемъ.

Дѣйствительно, Иларіонъ Егоровичъ черезъ нѣсколько времени прислалъ къ намъ во Фролово два большіе короба: одинъ наполненный книгами, другой старинными иконами. Оба эти короба были уже присланы не на мое имя, а на имя племянника моего, старообрядца, живущаго отдѣльно. Вскорѣ явился и самъ Иларіонъ; но остановился не у меня, а у моей сестры, ревностной раскольницы, у которой проживалъ въ то время одинъ изъ нашихъ Фроловскихъ старообрядческихъ поповъ. Ко мнѣ онъ даже и не являлся. Тогда я самъ пошелъ къ нему и сталъ пенять, почему онъ не остановился въ моемъ домѣ, и даже не зашелъ ко мнѣ повидаться. Онъ отвѣтилъ: Что же мнѣ съ тобой видѣться и о чемъ разговаривать? Ты мнѣ измѣнилъ; оставилъ одного бороться со врагами за истину! Сдѣлалъ и еще нѣсколько упрековъ. Я ни на что не возражалъ. Тогда онъ заговорилъ болѣе ласково и спросилъ между прочимъ: Какъ же называютъ теперь тебя твои прежніе единовѣрцы? Думаю, что еретикомъ-никоніанномъ? Я отвѣтилъ, что съ прежними единовѣрцами живу мирно, безъ всякихъ раздоровъ. — Ну а съ попами какъ? Я отвѣтилъ, что и съ ними живу мирно, безъ ссоры. — Ну, а если они спросятъ, почему ты отдѣлился отъ нихъ, что нашелъ нехорошаго и сомнительнаго въ старообрядчествѣ, и чѣмъ грекороссійская церковь лучше и спасительнѣе? что ты будешь отвѣчать тогда? Я сказалъ, что съ моей стороны отвѣтъ будетъ короткій: у васъ не было около 200 лѣтъ епископовъ, поэтому и церкви не было. Онъ еще спросилъ: А если они отвѣтятъ, что у нихъ теперь есть епископы, священники и діаконы, словомъ всѣ три чина, которые должны быть въ церкви? тогда ты что имъ скажешь? Я отвѣтилъ: скажу, что ихъ епископы и все священство не законное, ибо ведутъ свое начало не отъ Апостоловъ и преемниковъ апостольскихъ. Иларіонъ замѣтилъ: Ты вотъ что дѣлай,— спроси ихъ прежде всего: откуда митрополитъ Амвросій получилъ власть и силу, чтобы преподавать благодать хиротоніи епископамъ

и священникамъ, — отъ греческаго патріарха, или въ Бѣлой Криницѣ отъ попа Іеронима? Пусть попы отвѣтятъ тебѣ на это. Но вдругъ, точно спохватившись и какъ бы устыдившись, что говоритъ въ обличеніе спопхъ же поповъ, онъ сказалъ: Напрасно я тебя учу! Ты мнѣ не вѣренъ, измѣнилъ мнѣ, оставилъ меня одного! Я сталъ его приглашать къ себѣ въ домъ; но онъ отвѣтилъ: никогда къ тебѣ не пойду и бесѣдовать съ тобой ни о чемъ не буду. Эти слова свои онъ сдержалъ, и не былъ у меня ни разу за все пребываніе свое во Фроловѣ, — а пробылъ онъ здѣсь болѣе года, состоя при часовнѣ уставщикомъ. Вообще, онъ избѣгалъ встрѣчи со мною,— мало того, что не ходилъ ко мнѣ, но если я приду къ нему, то или скроется куда нибудь, или же молчитъ. Я его спрашивалъ между прочимъ: поѣдетъ ли онъ въ Полосу, въ свой любимый скитъ, и будетъ ли видаться съ Ѳаддеемъ Іудичемъ? Онъ отвѣчалъ: мнѣ теперь не зачѣмъ ѣхать въ Полосу; тамъ теперь попечители и наставники враги Окружнаго Посланія; а когда будутъ тамъ управители благомыслящіе, тогда можетъ быть поѣду.

Изъ Фролова Иларіонъ Егорычъ переселился на жительство въ Калугу, гдѣ также находился при часовнѣ въ должности старшаго уставщика, при старообрядческомъ попѣ Васильѣ. Въ Калугѣ прожилъ Иларіонъ Егорычъ около пяти лѣтъ. Мнѣ приходилось часто ѣздить сюда по своимъ дѣламъ, и я всегда старался какимъ бы то ни было образомъ его увидѣть и поговорить съ нимъ; но онъ уклонялся и видимо избѣгалъ меня. Зная по какимъ улицамъ и въ какое время онъ чаще всего ходитъ, я старался иногда встрѣтить его; но онъ при встрѣчѣ всегда бывалъ неразговорчивъ и находилъ тотчасъ какой-нибудь предлогъ уйдти. А если узнавалъ меня еще издали, то спѣшилъ перейти на другую сторону улицы, или свернуть вспторону. Однажды какъ то я спросилъ его, нельзя ли придти къ нему на квартиру побесѣдовать; онъ отвѣчалъ, что нельзя, такъ какъ мой

приходъ будетъ извѣстенъ попечителямъ часовни, а это будетъ непріятно имъ, ибо, по ихъ мнѣнію, я сдѣлался отступникомъ, перешелъ въ никоніанскую ересь.

Изъ Калуги Иларіонъ переѣхалъ потомъ на свою родину, въ деревню Глотово, — и съ тѣхъ поръ я уже не видалъ его. Когда же его единомышленники, ревнители Окружнаго Посланія, получили власть надъ скитомъ Полосой, тогда онъ переѣхалъ туда съ родины и жилъ тамъ до конца своей жизни.

Когда Иларіонъ Егорычъ проживалъ въ Калугѣ, ближайшій другъ его — Ѳаддей Іудичъ часто писалъ ему письма, на которыя Иларіонъ охотно отвѣчалъ ему. Но подъ конецъ, когда Ѳаддей Іудичъ сталъ рѣшительно говорить о переходѣ въ православную церковь и потомъ окончательно рѣшился оставить расколъ, Иларіонъ Егорычъ, также какъ и со мною, прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и на письма больше не отвѣчалъ, за что Ѳаддей Іудичъ сѣтовалъ на него. Объ этомъ съ огорченіемъ писалъ мнѣ самъ Ѳаддей Іудичъ, такъ какъ со мною онъ велъ непрерывно дружескую переписку. Между прочимъ черезъ меня же Ѳаддей Іудичъ посылалъ письма о. Павлу, архимандриту Никольскаго единовѣрческаго монастыря, и М. С. Дудареву, которыхъ онъ спрашивалъ о разныхъ своихъ недоумѣніяхъ и отвѣтами которыхъ былъ очень доволенъ. Къ сожалѣнію письма Иларіона Егорыча къ Ѳаддею Іудичу, находившіяся послѣ смерти послѣдняго на храненіи у его жены, сгорѣли во время пожара. Лично же съ Иларіономъ Егорычемъ Ѳаддей Іудичъ не видался съ того самого времени, какъ по изданіи Окружнаго Посланія Иларіонъ уѣхалъ изъ Москвы. Ѳаддей Іудичъ скончался въ 1874 г., болѣе года бывши сыномъ православной церкви и сподобившись причаститься св. Христовыхъ Таинъ. Жена его Евѳимія, по совѣту своего покойнаго мужа, въ 1879 г. переѣхала съ двумя сыновьями изъ Лужковъ ко мнѣ во Фролово: здѣсь и сама она и дѣти присоединились къ православной Церкви. И по сіе время она, уже безъ дѣтей, живетъ у меня въ домѣ.

Въ 1881 году она ѣздила на свою родину и между прочимъ зашла въ Полосу, къ другу своего покойнаго мужа, Иларіону Егорычу, — это было за годъ до его смерти. Ей желательно было поговорить съ Иларіономъ о своемъ покойномъ мужѣ, о его другѣ Ѳаддеѣ Іудичѣ, а также о вѣрахъ: православной и старообрядческой. Она вошла прямо въ его келью и поклонилась ему. Келья была маленькая, вся уставленная иконами; въ ней стояли только столъ, да кровать, такъ что приходящимъ не на что было сѣсть. Иларіонъ сталъ распрашивать ее, какъ она живетъ. Она прежде всего сказала ему о томъ, что вмѣстѣ съ дѣтьми перешла въ православную церковь, и при этомъ, какъ видно, высказала нѣкоторое сомнѣніе въ правотѣ своего поступка; сказала также, что ее приняли въ православіе третьимъ чиномъ, безъ муропомазанія, какъ крещенную въ православной церкви, дѣтей же, какъ крещенныхъ въ старообрядчествѣ, вторымъ чиномъ, чрезъ муропомазаніе. Иларіонъ Егорычъ замѣтилъ что такъ не слѣдовало дѣлать, — напрасно перемазывали. Видя, что она колеблется нѣсколько въ своихъ мысляхъ, онъ сказалъ ей: если хочешь, можно опять переправиться въ старообрядческую вѣру.

Вообще Иларіонъ Егорычъ въ частныхъ разговорахъ не выказывалъ ни особенной враждебности къ грекороссійской церкви, ни особенной ревности къ старообрядчеству, и никого не убѣждалъ настойчиво къ перемѣнѣ вѣры. Онъ занятъ былъ болѣе обширными планами — объединенія и примиренія посредствомъ Окружнаго Посланія той и другой стороны, и старообрядчества и грекороссійской церкви. Но задача эта была слишкомъ трудная, или лучше невозможная: сдѣлать это не въ человѣческихъ силахъ; да и средство, которымъ онъ хотѣлъ достигнуть этого (Окружное Посланіе), было далеко не пѣрное, само нуждающееся въ исправленіи. Когда я перешелъ въ православную церковь, онъ остался недоволенъ этимъ потому, что я чрезъ это пересталъ быть его помощникомъ

въ борьбѣ съ противниками и въ великомъ, по его мнѣнію, предпріятіи, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ сознавалъ, что истина находится въ православной церкви. Достаточно припомнить его слова во время моего пребыванія у него въ скиту: «къ церкви можно придраться только за перстосложеніе!» и сказанные въ Москвѣ съ указаніемъ на кремлевскіе соборы: «вотъ гдѣ святая соборная церковь, а не наша Австрійская!» Это понятіе о церкви ему хотѣлось внушить и всѣмъ старообрядцамъ. Онъ постоянно сокрушался объ ихъ заблужденіяхъ, особенно о зараженіи безпоповскими лжеученіями, и часто приходилъ въ такое возбужденное состояніе, что принимался горько плакать о погибающихъ братьяхъ своихъ. Съ другой стороны и въ церкви православной находилъ онъ большіе, какъ ему казалось, недостатки. Такъ онъ часто съ прискорбіемъ говорилъ, зачѣмъ соборъ 1667 года наложилъ проклятія на старообрядцевъ за употребленіе старыхъ обрядовъ: это онъ считалъ непроходимою преградою между церковію и старообрядчествомъ [1]). Онъ сѣтовалъ также, что пастыри православной церкви въ исполненіи своихъ обязанностей, не всегда подаютъ благой примѣръ для старообрядцевъ и мало за-

---

[1]) Отсюда, да и изъ самаго Окружнаго Посланія, видно, что Иларіонъ имѣлъ неправильныя понятія и постановленіяхъ собора 1667 г., — тѣ же какія проповѣдывалъ потомъ г. Филиппов въ своихъ пресловутыхъ «чтеніяхъ о нуждахъ единовѣрія» и постоянно проповѣдывалъ Верховскій въ своихъ ругательныхъ на церковь сочиненіяхъ. По этому-то оба — и г. Филиппов и Верховскій — пользовались большимъ расположеніемъ Иларіона, — того и другаго онъ считалъ окружниками, только не изъ раскольниковъ, а изъ православныхъ. Но если похвальное дѣло для раскольника — сдѣлаться окружникомъ, такъ какъ этимъ онъ все-таки дѣлаетъ шагъ къ сближенію съ церковію: то никакъ нельзя сказать того же о православномъ, который заслужилъ бы имя окружника, ибо это значило бы, что онъ сдѣлалъ шагъ изъ церкви въ расколъ. Верховскій шагалъ въ этомъ направленіи даже и очень большими шагами....

Ред.

ботятся о привлеченіи старообрядцевъ къ союзу съ церковію. Самъ же онъ, издавъ Окружное Посланіе, не хотѣлъ уже измѣнить ему во всю свою жизнь. Поэтому не рѣшился онъ и сдѣлаться православнымъ, поэтому же недоволенъ былъ и нами, его сотрудниками по изданію Окружнаго, когда мы перешли въ церковь. Онъ боялся, что присоединеніемъ къ церкви уронитъ свой авторитетъ между старообрядцами и авторитетъ самого Посланія: тогда старообрядцы стали бы поносить его какъ еретика-никоніанина; такая же участь постигла бы и Окружное и окружниковъ. Вотъ почему онъ такъ и остался между расколомъ и церковію: поповъ Австрійскаго происхожденія не признавалъ за истинныхъ священниковъ и не ходилъ къ нимъ на исповѣдь и къ причащенію св. Таинъ; также же, думаю, не имѣлъ духовника и между православными священниками.

Что касается до образа жизни Иларіона Егорыча, то надобно замѣтить, что онъ, хотя и не былъ инокомъ, но велъ иноческую жизнь: ни мяса, ни вина, ни чаю никогда не употреблялъ. Былъ онъ добродѣтеленъ и ласковъ совѣми, при встрѣчѣ обыкновенно низко кланялся и учтиво разговаривалъ съ знакомыми. Но за то не могъ переносить какихъ либо возраженій, и былъ въ такихъ случаяхъ раздражителенъ до болѣзненности. Чувствуя свое превосходство надъ другими старообрядцами, онъ рѣдко съ кѣмъ соглашался въ сужденіяхъ и обыкновенно говорилъ: «ты еще молодъ», или: «ты это мало знаешь», «тебѣ нужно еще поучиться». Я удивлялся его быстрымъ соображеніямъ и той скорости, съ какою онъ отыскивалъ нужныя ему мѣста въ книгахъ. Когда я былъ съ нимъ въ ризницѣ Сергіевской лавры и въ библіотекѣ, онъ удивлялъ меня своимъ знакомствомъ съ священными и книжными древностями. Обыкновенно занимался онъ переплетомъ ветхихъ книгъ, которыя покупалъ. Переплеталъ онъ очень хорошо; а покупать книги любилъ страстно. Бывало въ Москвѣ, если встрѣтитъ какого продавца съ книгами,

непременно остановитъ, быстро пересмотритъ книги и сейчасъ отыщетъ, есть ли что подходящее для него. Такъ какъ онъ умѣлъ хорошо писать церковно-славянскими буквами, то въ ветхихъ книгахъ на мѣсто потерянныхъ листовъ вклеивалъ новые и вписывалъ на нихъ недостающій текстъ. Однѣ изъ этихъ книгъ онъ продавалъ, а другія оставлялъ для себя, въ своей библіотекѣ. Во время пребыванія въ Москвѣ книги его и другія вещи хранились у одного его знакомаго и сгорѣли во время пожара, о чемъ онъ въ послѣдствіи сильно сожалѣлъ. Занимался онъ также покупкою старыхъ иконъ, которыя старался возстановлять въ первоначальномъ ихъ видѣ: для этого у него былъ иконописецъ. Иконы, приведенныя такимъ образомъ въ надлежащій видъ, онъ продавалъ, также какъ и книги, что и доставляло ему средства къ существованію.

Жилъ Иларіонъ Егорычъ послѣднее время, какъ уже сказано, въ любимомъ своемъ скиту Полосѣ, гдѣ имѣлъ, и доселѣ имѣетъ жительство ученикъ его, приверженецъ Окружнаго Посланія, епископъ Сильвестръ. Послѣднее время Иларіонъ былъ слабъ здоровьемъ; силы его были подорваны трудами и заботами. Умеръ онъ, какъ говорятъ, скоропостижно, 1882 г. Декабря 3-го дня. Признательные сожители его въ скиту сдѣлали для него могилу изъ кирпича, со сводами, гдѣ и положили съ честію останки трудолюбца. Все имущество, оставленное имъ, состояло изъ книгъ, которыя поступили, какъ говорятъ, въ скитскую библіотеку. Осталось также много писемъ къ нему разныхъ лицъ

В. Е. Кожевниковъ.

2007059805